

Приключения панды Наташи и её друзей

Артем Коваль

Коваль Артем

**Приключения панды
Наташи и её друзей**

«Автор»

2026

Артем К. А.

Приключения панды Наташи и её друзей / К. А. Артем —
«Автор», 2026

Панда Наташа живёт в бамбуковой роще, разговаривает с чайником и слышит голос ветра. Когда мир начинает барахлить — она отправляется на помощь вместе с друзьями: кентавром Колей, который вечно спотыкается в самый ответственный момент, и сёстрами-близняшками Еленой Прекрасной и Еленой Премудрой. Им предстоит помирить двух зимних королей, разбудить механического дракона, пережить суд самого Создателя мира и даже подружиться с существом, которое все называют исчадием ада. В каждом приключении Наташа не сражается — а разговаривает, потому что иногда слово, сказанное вовремя, сильнее любого меча. Истории о дружбе, принятии и о том, что несовершенный мир — единственный, в котором стоит жить.

© Артем К. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Башня Семи Ветров	5
Часть первая. Ветер, который пел не в лад	5
Глава 1. Бамбуковая роща и странный снег	5
Глава 2. Кентавр, который искал дорогу	8
Глава 3. Две Елены	11
Часть вторая. По ту сторону хребта	16
Глава 4. Синий хребет	16
Глава 5. Лисьи перевалы	19
Глава 6. Долина, где ручьи текли вспять	22
Часть третья. Башня	25
Глава 7. Подножие	25
Глава 8. Первые четыре ветра	26
Глава 9. Верхний и Нижний ветер	30
Глава 10. Тайный ветер	31
Часть четвёртая. Новый ветер	35
Глава 11. Пробуждение	35
Глава 12. Песня четверых	38
Глава 13. Новый порядок	40
Глава 14. Возвращение	41
Глава 15. Бамбуковая роща и правильный ветер	43
Новый год посреди августа	46
Глава 1. Очень подозрительный снег	46
Глава 2. Два брата и одна очень плохая идея	51
Глава 3. Ещё один Алексей	56
Глава 4. Полюс Праздничного Междумирья	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Коваль Артем

Приключения панды Наташи и её друзей

Башня Семи Ветров

Часть первая. Ветер, который пел не в лад

Глава 1. Бамбуковая роща и странный снег

Панда Наташа проснулась оттого, что ей на нос упала снежинка.

Это было бы совершенно нормально, если бы за окном стояла зима. Но за окном стоял июнь – самый что ни на есть настоящий, пахнувший разогретой землёй и цветущим жасмином. Бамбуковая роща, окружавшая её маленький домик на склоне Зелёного холма, буйно зеленела, птицы насвистывали свои обычные утренние мелодии, и только одна деталь портила эту благодатную картину: с неба, лениво кружась, падал снег.

Наташа села в кровати, потёрла глаза и посмотрела в окно ещё раз. Нет, ей не показалось. Белые хлопья опускались на ярко-зелёные листья бамбука, на цветущие кусты шиповника, на тропинку, ведущую к ручью. Они таяли, едва коснувшись тёплой земли, но их место тут же занимали новые.

– Ну и дела, – сказала Наташа вслух.

Она имела привычку разговаривать сама с собой. Когда живёшь одна в бамбуковой роще на отшибе, эта привычка появляется быстро и незаметно. Сначала бормочешь что-нибудь, подметая пол. Потом начинаешь обсуждать с чайником, достаточно ли горяча вода. А через пару лет уже ведёшь полноценные дискуссии с дверным косяком о природе бытия.

Наташа накинула свой любимый жилет – стёганный, с вышитыми по карманам веточками бамбука – и вышла на крыльцо. Снег тут же облепил её чёрно-белую шерсть, и она поёжилась. Не от холода – снежинки были тёплыми, как парное молоко. Это-то и пугало.

– Тёплый снег, – пробормотала Наташа, подставляя ладонь. Снежинка легла на чёрный мех и не растаяла. Вместо этого она тихо зазвенела, как крошечный колокольчик, и рассыпалась серебристой пылью. – Тёплый звенящий снег. В июне.

Она посмотрела на небо. Облака были обычные, летние – лёгкие, перистые, похожие на растрёпанные перья. Но между ними, в просветах голубизны, что-то мерцало. Словно небо покрылось тонкой сеткой трещин, и сквозь них просвечивало что-то белое и холодное.

Наташа прислушалась. Она умела слышать ветер – не просто шум, а голос. С детства ветер пел ей песни: весенний – о пробуждении, летний – о тепле и долгих днях, осенний – о сборе урожая и тихих вечерах. Зимний ветер рассказывал о сне, покое и ожидании.

Сейчас ветер пел неправильно.

Мелодия была знакомой – летняя, лёгкая, наполненная запахом скошенной травы. Но в неё вплетались чужие ноты. Тяжёлые, гулкие, как удары далёкого барабана. Они звучали не впопад, ломая ритм, сбивая дыхание.

Наташа нахмурилась. За все свои двадцать лет она ни разу не слышала, чтобы ветер пел не в лад. Он мог быть тихим или громким, ласковым или яростным, но он всегда был гармоничен. Ветер не умел фальшивить.

До сегодняшнего дня.

Она вернулась в дом, заварила чай – по привычке, когда не знаешь, что делать, лучше всего заварить чай, – и задумалась. Снежинки продолжали падать за окном, звеня о стёкла, как россыпь крошечных бубенцов.

Надо бы сходить в деревню, подумала Наташа. Узнать, что думают другие. Может, старый лекарь Михей что-нибудь объяснит. Он знал кучу историй о всяких чудесах и напастях, хотя половина из них, по подозрениям Наташи, была чистейшей выдумкой.

Она допила чай, убрала чашку, подхватила свою холщовую сумку и вышла из дома. Тропинка вела вниз, через бамбуковую рощу, мимо ручья и дальше – к деревне Тихие Мхи. Наташа шла быстро, привычно лавируя между стволами бамбука. Тёплый снег ложился ей на плечи, и она то и дело стряхивала его, как назойливую мошкарку.

На полпути к деревне бамбук расступился, открывая поляну, и Наташа остановилась как вкопанная.

На поляне цвели подснежники.

Не одна клумба, не случайный кустик – вся поляна, от края до края, была покрыта белоголубым ковром подснежников. Они покачивались на тёплом ветру, их лепестки сверкали капельками росы, и выглядело это так красиво, что у Наташи перехватило дыхание.

А потом она вспомнила, что подснежники цветут в марте.

– Совсем мир сошёл с ума, – тихо сказала она.

Ветер ответил ей той же ломаной мелодией – лето, перебитое чужими тяжёлыми нотами. Наташа вслушалась внимательнее. Где-то в глубине этого сбивчивого пения она различила что-то ещё. Не ноту, не звук – скорее, направление. Как будто ветер просил её посмотреть куда-то. На север. На далёкие горы, чьи вершины едва виднелись за кронами бамбука.

На северо-восток, если точнее. Туда, где за Синим хребтом, за Лисьими перевалами и Долиной тысячи ручьёв стояла Башня Семи Ветров.

Наташа о ней слышала. Все о ней слышали. Башня была легендой, сказкой для детей, историей, которую рассказывали у камина в длинные зимние вечера. В башне, говорили ста-

рики, живёт Хранитель – тот, кто следит за ветрами и временами года, кто дирижирует сменой сезонов, кто не позволяет зиме затянуться, а лету – выгореть.

Наташа всегда считала это красивой выдумкой. Времена года менялись сами по себе, по законам природы, а не по указке какого-то затворника в башне. Но сейчас, стоя посреди июньских подснежников под тёплым звенящим снегом, она впервые подумала: а что, если нет?

Она покачала головой, отгоняя мысль, и двинулась дальше, к деревне.

Тихие Мхи были не то чтобы большой деревней. Три десятка домов, рынок, кузница, лавка травника, таверна «Мшистый пенёк» – вот, пожалуй, и всё. Но для окрестных жителей это был центр цивилизации, место, где можно было узнать новости, купить соль и поспорить о политике.

Сегодня деревня гудела, как потревоженный улей. Наташа ещё не дошла до первых домов, а уже слышала возбуждённые голоса.

– ...прямо на грядках! Тыквы зацвели, а рядом – лёд!

– ...а у меня яблони сбросили листья и тут же дали новые почки!

– ...говорю тебе, это знак!

На рыночной площади собралась толпа. Крестьяне, ремесленники, торговцы – все стояли, задрав головы, и смотрели на небо. Снег шёл и здесь, и здесь он тоже был тёплым. Несколько ребятишек ловили снежинки и хихикали, когда те звенели у них в ладонях.

Наташа протиснулась сквозь толпу и нашла старого Михея. Лекарь стоял у своей лавки, скрестив руки на груди, и сердито смотрел на небо из-под кустистых бровей.

– Михей, – позвала Наташа. – Что происходит?

– А ты сама не видишь? – проворчал старик. – Каша. Вот что происходит. Каша из времён года. Вчера вечером было лето, ночью ударил мороз, к утру всё растаяло, а теперь вот – снег. Тёплый снег, будь он неладен.

– Как такое может быть?

Михей покосился на неё и понизил голос:

– А ты послушай ветер, девочка. Ты же умеешь. Послушай, что он тебе скажет.

– Я слушала. Он поёт... неправильно.

– Вот именно. Неправильно. Не в лад. Знаешь, когда такое бывает?

Наташа покачала головой.

– Когда Хранитель перестаёт дирижировать, – сказал Михай. И добавил, прежде чем Наташа успела возразить: – Знаю, знаю. Ты не веришь в сказки. Но сказки, девочка, не обязаны верить в тебя. Они просто есть.

Наташа хотела ответить, но тут на площадь влетел мальчишка – босой, запыхавшийся, с вытаращенными глазами.

– На лугу! – завопил он. – На Сенном лугу! Там кентавр!

Толпа охнула. Кентавры в этих краях были редкостью. Они жили далеко на западе, в Золотых степях, и редко забредали в лесистые восточные земли.

Наташа переглянулась с Михеем.

– Иди, – сказал старик. – Посмотри. Кентавр в наших местах – это не просто диковинка. Это знак. Как и тёплый снег.

Глава 2. Кентавр, который искал дорогу

Сенной луг лежал за деревней, сразу за кузницей. Обычно он был пуст – только трава по пояс да одинокий дуб на краю. Но сегодня посреди луга стоял кентавр.

Он был молодой – Наташа определила это по гладкой гнедой шерсти и ещё чуть нескладным движениям. Человеческая часть тоже выдавала юность: широкоплечий парень лет двадцати пяти, с копной каштановых волос, курносый носом и выражением лица, которое лучше всего можно было описать словом «озадаченность».

Кентавр стоял, повернувшись к северу, и хмурился. В руке он сжимал потрёпанную карту, которую вертел то так, то эдак, явно не находя на ней нужного.

Наташа подошла ближе. За ней, на почтительном расстоянии, тянулись самые смелые из деревенских.

– Здравствуйте, – сказала Наташа.

Кентавр вздрогнул, обернулся и уставился на неё с таким удивлением, словно увидел что-то невообразимое. Потом моргнул, тряхнул головой и выдал:

– Э... привет. Ты... ты панда?

– Да, – терпеливо сказала Наташа. – А ты кентавр.

– Ну да, – согласился он. – Я Коля.

Повисла небольшая пауза. Наташа ждала продолжения, но Коля, видимо, счёл представление исчерпывающим и снова уткнулся в карту.

– Ты заблудился? – спросила Наташа.

– Нет! – слишком быстро ответил Коля. Потом покосился на карту, на горы на горизонте, снова на карту и сдался: – Ну... может быть. Немного. Чуть-чуть.

– Чуть-чуть заблудился?

– Совсем. Начисто. Безнадёжно, – признался Коля. – Я ищу Башню Семи Ветров.

Наташа почувствовала, как по спине пробежал холодок – притом что снежинки, падавшие ей на плечи, были тёплыми. Второй раз за утро она слышала о Башне.

– Зачем тебе Башня? – спросила она.

Коля сложил карту – вернее, попытался, но она не складывалась и торчала углами во все стороны – и посмотрел на Наташу серьёзно. Впервые за их короткий разговор его лицо стало взрослым.

– Потому что что-то случилось с Хранителем, – сказал он. – И если его не найти и не разбудить, мир перемешается до неузнаваемости.

– Разбудить?

– Хранитель уснул. Или его усыпили. У нас, в Золотых степях, три дня назад посреди лета начался ледоход. Реки замёрзли и тут же вскрылись, луга покрылись инеем и зацвели одновременно. Наш старейшина сказал, что так бывает, когда Хранитель Башни перестаёт направлять ветра. Он послал меня найти Башню и выяснить, что произошло.

– Почему тебя?

Коля замялся.

– Потому что... ну... я вызвался. Добровольно.

Наташа посмотрела на его нескладную фигуру, на карту, которая, похоже, была нарисована ребёнком, и на выражение лица, в котором решимость боролась с растерянностью.

– И заблудился, – констатировала она.

– Башня на карте обозначена не совсем точно, – с достоинством ответил Коля. – Или совсем не точно. Или, если быть честным, её на карте вообще нет. Я ориентировался по легендам.

– По легендам?

– «За Синим хребтом, за Лисьими перевалами, в Долине тысячи ручьёв, где ветры сплетаются в узел», – процитировал Коля. – Звучит красиво. Но когда пытаешься по этому описанию проложить маршрут...

– Получается каша, – кивнула Наташа.

– Именно.

Она помолчала, разглядывая далёкие горы. Ветер снова запел – сбивчиво, путано, перебивая лето и зиму. И снова в глубине этого пения Наташа уловила направление. Ветер тянул её на северо-восток. К Башне.

– Я слышу ветер, – сказала она. – Я имею в виду – по-настоящему слышу. Его песни, его голос. И сейчас он зовёт меня к Башне.

Коля уставился на неё с новым выражением – надежда, смешанная с недоверием.

– Ты можешь найти дорогу?

– Может быть. Я никогда не пробовала идти за ветром. Но он определённо куда-то ведёт.

– Тогда пойдём вместе! – Коля сделал шаг вперёд и тут же запнулся о собственное копыто. – Я хотел сказать... если ты не против. Мне бы пригодился проводник. А тебе – защитник. Дорога через Синий хребет не из лёгких, там горные тролли, ледяные волки, а на Лисьих перевалах, говорят, живут лисы-оборотни, которые...

– Я поняла, – перебила Наташа. – Опасно. Ты умеешь сражаться?

– Я кентавр, – сказал Коля с таким видом, будто это всё объясняло. Потом, поймав её скептический взгляд, добавил: – Ну, меня учили. В теории.

– В теории.

– И немного на практике. Я дрался с двумя разбойниками по дороге сюда!

– И как?

– Я убежал, – честно сказал Коля. – Но очень быстро. Кентавры вообще отлично бегают.

Наташа, несмотря на тревогу, почувствовала, как губы дрогнули в улыбке. Этот нескладный кентавр ей нравился. В нём не было ни капли рисовки или бравады – только честная, немного наивная решимость сделать правильное дело. Таких, по опыту Наташи, было мало.

– Ладно, – сказала она. – Идём вместе. Но сначала мне нужно собрать вещи и предупредить Михея.

– Кто такой Михей?

– Местный мудрец. Ну, по крайней мере, он сам себя так называет.

Наташа вернулась в деревню, нашла Михея и коротко рассказала о кентавре и его миссии. Старик выслушал, покивал и сказал:

– Правильно. Иди. Ты единственная, кого я знаю, кто слышит ветер. Если кто и найдёт дорогу к Башне – так это ты.

– А если не найду?

Михей посмотрел в окно, где тёплый снег продолжал кружить над цветущими яблонями.

– Тогда через месяц-другой мы будем собирать клубнику под сугробами и жарить каштаны в июльскую метель. А потом всё станет ещё хуже. Времена года – это не просто погода, девочка. Это ритм мира. Его сердцебиение. Если ритм сбился...

Он не закончил, но Наташа поняла.

Она забежала домой, собрала сумку – еда, фляга, тёплый плащ, огниво, моток верёвки, – заперла дверь и вернулась к Коле. Кентавр ждал её на лугу, переминаясь с ноги на ногу – с четырёх ног на четыре ноги, если быть точным.

– Готова? – спросил он.

– Готова.

И они двинулись на север, туда, где тёплый снег сливался с далёкими горами.

Глава 3. Две Елены

Они шли уже третий день. Бамбуковая роща осталась далеко позади, сменившись обычным смешанным лесом – дубы, берёзы, клёны. Лес вёл себя странно. На одном дереве одновременно висели жёлтые осенние листья и молодые зелёные побеги. Под ногами хрустел иней, а в двух шагах дальше земля была сухой и горячей, как в разгар июля.

Животные тоже растерялись. Белки метались между запасанием орехов и вскрытием старых тайников. Птицы не знали, улетать им на юг или строить гнёзда. Один совершенно сбитый с толку медведь трижды пытался залечь в спячку, но каждый раз просыпался от жары.

Наташа шла впереди, прислушиваясь к ветру. Голос ветра становился всё более путанным – в нём теперь мешались не две мелодии, а три или четыре. Лето, зима, весна, осень – всё переплеталось, накладывалось друг на друга, создавая какофонию, от которой у Наташи начинала болеть голова. Но направление она по-прежнему различала. Северо-восток. Башня звала.

Коля шёл рядом, и его копыта мерно стучали по лесной тропе. Он оказался неплохим попутчиком – не слишком болтливым, но и не угрюмо молчаливым. Он рассказывал о Золотых степях, о бескрайних просторах, по которым кентавры носились наперегонки с ветром, о звёздных ночах, когда степь казалась продолжением неба.

– А почему именно ты вызвался? – спросила Наташа на привале, когда они сидели у костра и ели лепёшки, которые Коля пёк прямо на горячих камнях.

Коля помешал угли палкой.

– Потому что я хотел быть полезным.

– А раньше не был?

– Раньше я был Коля-тот-который-всё-роняет. Коля-тот-который-спотыкается. Коля-тот-который-проспал-дозор. – Он криво усмехнулся. – Кентавры – народ воинов. Мы сильные, быстрые, выносливые. Мы рождены для боя и скачки. А я... ну, ты видишь.

– Ты не так уж плох, – сказала Наташа.

– Спасибо. Это самый щедрый комплимент, который мне когда-либо делали.

Наташа рассмеялась. Потом посерьёзела.

– Послушай. То, что ты вызвался – это уже немало. Большинство людей предпочитают сидеть дома и ждать, пока кто-то другой разберётся с проблемой.

– Может, они правы, – сказал Коля. – Может, разбираться должен кто-то умелый. А не тот, кто теряет карту трижды за день.

– Ты не потерял карту.

– Потому что я привязал её к поясу после второго раза.

Они замолчали, слушая треск костра. Снег перестал идти к вечеру, но воздух был странный – слишком тёплый для ночи и слишком сырой для лета. Где-то вдалеке глухо рокотал гром, хотя небо было ясным.

Наутро они вышли к реке. Широкой, быстрой, с мутной водой, несущей обломки льда перемешку с цветочными лепестками. Моста не было.

– Вот и ладно, – вздохнул Коля. – Я, кстати, не умею плавать. То есть умею, но только той частью, которая сверху.

– Это нижняя часть обычно нужна для плавания, – заметила Наташа.

– Вот именно.

Они пошли вдоль берега, ища переправу. Через полчаса тропинка вывела их к небольшому каменному мосту – древнему, заросшему мхом, но крепкому. На мосту стояли двое.

Нет, не двое. Две.

Наташа сначала подумала, что у неё двоится в глазах. Перед ней стояли две совершенно одинаковые девушки – высокие, стройные, с длинными золотистыми волосами и большими серо-зелёными глазами. Они были похожи друг на друга, как два отражения в зеркале, и всё же – стоило присмотреться – различия были.

Одна из них стояла прямо, высоко подняв подбородок, и от неё словно исходило сияние. Не метафорическое – буквальное. Воздух вокруг неё чуть мерцал, как марево над раскалённой

дорогой, и мох на камнях у её ног цвёл ярче. Она была красива той красотой, которая заставляет замолчать на полуслове и забыть, что ты хотел сказать.

Вторая стояла чуть в стороне, привалившись к каменным перилам, и читала книгу. Толстую, потрёпанную, с закладками, торчащими из неё, как иголки из ежа. Она тоже была красива, но её красота была другой – спокойной, вдумчивой, из тех, которые замечаешь не сразу, зато потом не можешь забыть. На носу у неё сидели круглые очки в тонкой серебряной оправе.

– О, – сказала сияющая девушка, заметив Наташу и Колю. – Путешественники! Как замечательно. Мы тут стоим уже час и не можем решить, в какую сторону идти. – Она улыбнулась, и Наташа на секунду забыла, о чём думала. – Я Елена. Елена Прекрасная.

– А я тоже Елена, – сказала вторая, не отрываясь от книги. – Елена Премудрая. Мы сёстры.

– Близнецы, – уточнила Елена Прекрасная.

– Это и так видно, – заметил Коля, после чего запнулся о камень и чуть не свалился с тропинки.

Елена Прекрасная хихикнула. Елена Премудрая перевернула страницу.

– Куда вы направляетесь? – спросила Наташа.

– К Башне Семи Ветров, – ответили сёстры одновременно, переглянулись и одновременно же нахмурились.

Наташа почувствовала странный укол – то ли удивления, то ли предчувствия. Третье совпадение. Снег, кентавр с миссией, и теперь – две девушки, ищущие ту же Башню.

– Мы тоже, – сказала она. – Зачем вам Башня?

Елена Прекрасная шагнула вперёд. Сияние вокруг неё стало чуть ярче – как будто внутри неё горела свеча и кто-то прикрутил фитиль.

– Мои способности... они связаны с ветром. С весенним ветром, если точно. Когда я пою, расцветают цветы. Когда я смеюсь, птицы начинают петь. Но три дня назад всё пошло наперекосяк. – Она запнулась. – Я засмеялась, и с неба посыпался град. Я запела колыбельную для соседского малыша, и во дворе расцвёл ядовитый борщевик. Мои дары перепутались, как клубок ниток, который потрепала кошка.

– Её дар связан с природной гармонией, – добавила Елена Премудрая, захлопнув книгу. – Если Хранитель перестал направлять ветра, это объясняет сбой. Магия, завязанная на природные циклы, ломается первой.

– А ты? – спросила Наташа. – Твои способности тоже пострадали?

Елена Премудрая поправила очки.

– Мои способности – это знания. Я помню всё, что когда-либо прочитала. Каждую книгу, каждый свиток, каждую надпись на каждом заборе. И, к сожалению, именно в книгах я прочитала то, что не даёт мне спать.

– Что именно?

– Семьсот лет назад был такой же сбой. Ветра перемешались, времена года спутались. Это продолжалось сорок дней. После чего мир раскололся.

Тишина. Даже ветер притих.

– Раскололся? – переспросил Коля.

– Континент, на котором это происходило, разделился на четыре части. Каждая застряла в своём времени года навсегда. Вечная зима, вечное лето, вечная осень, вечная весна. Они до сих пор существуют – Четыре Застывших Острова в Южном море. Там ничего не меняется. Никогда. – Елена Премудрая посмотрела на них поверх очков. – Это не просто неудобство. Вечное лето – это засуха и пожары. Вечная зима – это голод и холод. Мир без смены времён года – мёртвый мир.

– Сколько у нас времени? – спросила Наташа.

– Если история повторяется – сорок дней от начала сбоя. Прошло три. У нас тридцать семь дней.

Все посмотрели на небо. Облака неслись в разные стороны, как стадо потерявших пастуха овец. На востоке сверкала радуга, хотя дождя не было.

– Тогда нам нужно поторопиться, – сказала Наташа. – Идёмте вместе. Я слышу ветер и могу найти дорогу к Башне. Коля – защитник. А вы...

– Я могу открывать двери, которые откликаются на красоту и свет, – сказала Елена Прекрасная. – Да, это реальная магия, не метафора. Я умею очаровывать не только людей, но и замки.

– А я знаю историю Башни, – сказала Елена Премудрая. – Все семнадцать легенд, четыре летописных упоминания и одно подозрительно точное стихотворение четырнадцатого века. И ещё я знаю о ловушках.

– Ловушках?

– Башня Семи Ветров – это не просто башня. Это испытание. Хранитель защищён. Чтобы добраться до него, нужно пройти семь уровней, каждый из которых охраняется одним из ветров. Северный, южный, западный, восточный, верхний, нижний и тайный.

– Тайный ветер? – переспросил Коля.

– О нём почти ничего не известно. Кроме того, что он – самый опасный.

Наташа переглянулась с Колей. Кентавр, несмотря на слегка побледневшее лицо, кивнул.

– Ну что ж, – сказала Наташа. – Вчетвером лучше, чем вдвоём. А вдвоём лучше, чем одному. Логика подсказывает, что нам по пути.

– Логика – моя лучшая подруга, – сказала Елена Премудрая.

– А моя – интуиция, – улыбнулась Елена Прекрасная. – И она говорит, что всё будет хорошо.

Они перешли мост и двинулись дальше.

Часть вторая. По ту сторону хребта

Глава 4. Синий хребет

До Синего хребта они добирались пять дней. Путь лежал через Шептун-лес – старый, дремучий, полный мха и тумана. Деревья здесь были такие древние, что их стволы напоминали крепостные башни, а кроны смыкались так плотно, что солнечный свет добирался до земли только в виде редких золотых пятен.

Лес шептал. Отсюда и название. Деревья переговаривались между собой – тихо, на грани слышимости, как старики, обсуждающие новости на завалинке. Наташа иногда ловила обрывки: что-то о корнях, о воде, о странном снеге.

– Они волнуются, – сказала она спутникам на третий вечер, когда они разбили лагерь на небольшой полянке. – Деревья. Они чувствуют, что времена года сбились.

– Ещё бы им не волноваться, – отозвалась Елена Премудрая, устроившаяся у костра с очередной книгой. Наташа понятия не имела, откуда сестра доставала книги – казалось, они материализовались у неё в руках из воздуха. – Деревья живут по сезонному циклу. Если цикл нарушен, они не знают, что делать – сбрасывать листья или выращивать новые, уходить в спячку или тянуться к солнцу.

– Как тот медведь, которого мы видели, – хмыкнул Коля.

– Именно как тот медведь.

Елена Прекрасная сидела чуть поодаль, прислонившись к стволу старого дуба. Сияние вокруг неё в сумерках было особенно заметно – мягкий золотистый свет, как от масляной лампы. Мотыльки слетались к ней со всего леса и кружили вокруг, как крошечные танцоры.

– Он грустит, – тихо сказала она, погладив кору дуба.

– Кто?

– Дуб. Он не понимает, почему весна пришла и ушла три раза за неделю. Он устал выпускать почки.

Наташа посмотрела на неё с любопытством. Елена Прекрасная говорила о дереве как о живом существе, и в её голосе звучало такое искреннее сочувствие, что Наташе захотелось тоже погладить старый дуб по коре.

На пятый день Шептун-лес расступился, и перед ними встал Синий хребет.

Горы были огромные. Наташа знала, что они будут большими – в конце концов, горы на то и горы, – но реальность превзошла ожидания. Синий хребет упирался вершинами в облака, его склоны были покрыты тёмными елями, а выше – серым камнем и снегом. Настоящим снегом, холодным, а не тем тёплым звенящим недоразумением, которое сыпалось с неба в долине.

Хотя – нет. Даже здесь что-то было не так. На одном склоне снег лежал обычным белым покрывалом, а на соседнем – таял, обнажая зелёную траву и цветущие рододендроны. Горный ручей то замерзал, то оттаивал, не в силах определиться.

– Нам нужен перевал, – сказала Елена Премудрая, сверяясь со своей внутренней библиотекой. – Перевал Северного Зуба. Он самый низкий и единственный проходимый летом. Или в любое время года, когда непонятно, какое время года.

– Где он?

– Левее. Часа четыре ходу вдоль подножия, потом подъём.

Они двинулись вдоль хребта. Тропинка была узкой, каменистой, и Коля то и дело оступался, стуча копытами по скользким камням. Он не жаловался, но Наташа видела, как ему тяжело – горные тропы не были рассчитаны на кентавров.

– Может, тебе стоит подождать внизу? – осторожно предложила она.

Коля посмотрел на неё с таким выражением, словно она предложила ему отрезать ногу. Одну из четырёх.

– Нет, – твёрдо сказал он. – Я иду до конца.

– Но если тропа станет ещё уже...

– Тогда я буду идти боком. Или прыгать. Или карабкаться. Но я не останусь внизу.

В его голосе было столько решимости, что Наташа не стала спорить.

Подъём к перевалу занял весь остаток дня. Тропа вилась серпантином, поднимаясь всё выше. Ели сменились низкорослым кустарником, кустарник – камнями и мхом. Воздух стал разреженным и холодным. Елена Прекрасная куталась в плащ, Елена Премудрая натянула капюшон, а Наташа радовалась густой шерсти.

Коля карабкался по камням с упрямством, достойным горного козла. Два раза он поскользнулся, один раз чуть не свалился в пропасть – Наташа успела схватить его за хвост, – но продолжал идти, стиснув зубы.

К вечеру они добрались до перевала. Узкая щель между двумя скальными стенами, продуваемая всеми ветрами. Наташа вслушалась – здесь, на высоте, голоса ветров были громче и яснее. Она различила четыре мелодии, переплетённые в тугой узел, и попыталась вычленить направление.

– Туда, – сказала она, указывая на северо-восток. – За хребтом, вниз, через долину. Башня там.

Они прошли перевал и начали спуск по другую сторону хребта.

И мир изменился.

По эту сторону Синего хребта лес был другим. Деревья здесь росли странные – с серебристой корой и листьями, которые меняли цвет на глазах: зелёный, жёлтый, красный, опять зелёный. Земля под ногами была тёплой, как натопленная печь, но из расщелин в камнях тянуло ледяным холодом. В воздухе пахло одновременно свежескошенной травой и прелыми листьями.

– Мы в зоне сильного сбоя, – сказала Елена Премудрая, оглядываясь. – Здесь, ближе к Башне, перемешивание сильнее.

– Красиво, – прошептала Елена Прекрасная, глядя на дерево, которое одновременно цвело и роняло листья. Золотистый свет вокруг неё мигнул и на мгновение стал голубым. Она вздрогнула. – Ой.

– Что? – спросила Наташа.

– Мой свет. Он поменял цвет. Такого раньше не было.

– Это влияние Башни, – сказала Елена Премудрая. – Чем ближе мы подходим, тем сильнее будет сбой. И тем сильнее он будет влиять на наши способности.

– На мои тоже? – спросила Наташа.

– На все. На твой слух, на её свет, на...

– На мою неуклюжесть? – подсказал Коля.

– Неуклюжесть – это не магическая способность, – с лёгкой улыбкой ответила Елена Премудрая.

– Ну мало ли, – пробурчал Коля. – Может, она станет ещё хуже. Или лучше. Вдруг я наконец перестану спотыкаться?

Они разбили лагерь под серебристым деревом, которое, похоже, решило остановиться на осеннем цикле и засыпало их золотыми листьями. Ветер здесь был особенно громким – четыре голоса пели вразнобой, перебивая друг друга, как поссорившийся хор. Наташа лежала у костра, закрыв глаза, и пыталась разобрать слова.

Не мелодии. Слова. Впервые ветер не просто пел – он говорил.

«...уснул... не просыпается... кто-то... двери закрыты...»

Обрывки. Как будто ловишь радиостанцию на старом приёмнике – то слышно, то нет, то вклиниваются помехи.

«...торопитесь... времени мало... тайный ветер...»

Наташа открыла глаза и села.

– Ветер говорит, что Хранитель действительно уснул, – сказала она в темноту. – И двери Башни закрыты. И ещё он упоминает тайный ветер.

Елена Премудрая, которая читала при свете маленького магического огонька, подняла голову.

– Тайный ветер – это седьмой ветер Башни. О нём есть только одно упоминание – в поэме «Песнь о Первом Хранителе». Там сказано: «Седьмой ветер не имеет направления, ибо он дует изнутри».

– Изнутри чего?

– Изнутри того, кто стоит перед ним.

Повисла тишина. Костёр потрескивал. Золотые листья падали и падали с серебряного дерева.

– Это звучит... пугающе, – сказал Коля.

– Это звучит как испытание, – сказала Наташа.

Глава 5. Лисьи перевалы

Утром они двинулись дальше. Спуск с хребта привёл их в широкую долину, поросшую странным лесом, где все деревья были наклонены в одну сторону – на северо-восток, к Башне, словно их всю жизнь гнул упорный ветер.

К полудню долина сузилась, горы сомкнулись, и тропа вывела их к Лисьим перевалам.

Перевалы представляли собой лабиринт узких ущелий, переходов и каменных мостов. Скалы были рыжими – цвета лисьей шкуры, – и в их трещинах росли кусты с ярко-оранжевыми ягодами. Где-то в глубине лабиринта журчала вода.

– Здесь живут лисы-оборотни, – предупредила Елена Премудрая. – В книгах написано, что они не злые, но хитрые. Любят загадки и обман. Если мы встретим их – не верьте тому, что видите.

– А чему верить? – спросил Коля.

– Тому, что чувствуете.

Они вошли в ущелье. Стены сомкнулись над головой, и стало сумрачно. Коля втянул бока – проход был узким, и ему приходилось идти, прижимаясь к камню.

Через полчаса тропа разветвилась.

– Направо или налево? – спросила Елена Прекрасная.

Наташа прислушалась к ветру. Здесь, в ущелье, голоса были приглушены, как будто стены съедали звук. Но направление она всё ещё чувствовала.

– Направо.

Они свернули направо, и тропа вывела их на небольшую площадку между скал. Посередине стоял камень, а на камне сидела лиса.

Рыжая, пушистая, с янтарными глазами и хитрой мордочкой. Она смотрела на них с таким выражением, словно ждала гостей к чаю и те немного опоздали.

– Добрый день, – сказала лиса.

Коля попятился и наступил себе на ногу. Наташа осталась на месте.

– Добрый, – ответила она. – Мы ищем дорогу через перевалы.

– Разумеется, – кивнула лиса. – Все ищут дорогу. Но не все готовы за неё заплатить.

– Чем платить?

– Правдой. – Лиса спрыгнула с камня и прошла перед ними, помахивая хвостом. – Каждый из вас должен сказать одну правду. Настоящую, глубокую, ту, которую вы прячете даже от себя. Тогда я покажу путь.

Все переглянулись.

– А если мы откажемся? – спросила Елена Премудрая.

– Тогда будете блуждать по ущельям, пока не надоест. А ущелья здесь длинные. И немного заколдованные. Можно кружить неделями, – лиса зевнула, показав острые зубки, – и вернуться к началу.

– Откуда мы знаем, что ты не обманываешь? – спросил Коля.

– Ниоткуда. Но вы знаете, что время у вас ограничено. Это я вижу по вашим лицам. Вы торопитесь к Башне, а каждый потерянный день – это ещё одна трещина в небе.

Наташа посмотрела на спутников. Елена Прекрасная кусала губу. Елена Премудрая хмурилась. Коля нервно переступал копытами.

– Я начну, – сказала Наташа.

Лиса наострила уши.

Наташа помолчала, собираясь с мыслями. Правда. Глубокая правда. Та, которую прячешь.

– Я живу одна не потому, что мне нравится одиночество, – медленно произнесла она. – А потому, что я боюсь. Боюсь, что если кто-то узнает меня по-настоящему – мои странности, мой дар слышать ветер, мою привычку разговаривать с чайниками, – они решат, что я чудная. И уйдут. Проще не подпускать никого, чем рисковать быть отвергнутой.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и неловкие. Наташа почувствовала, как щёки горят под мехом. Она ни разу в жизни не говорила этого вслух.

Лиса кивнула.

– Правда, – сказала она. – Настоящая.

Коля шагнул вперёд. Помялся. Почесал затылок.

– Я вызвался не только потому, что хотел быть полезным, – сказал он. – Я вызвался, потому что хотел убежать. Дома все меня считают неудачником. «Коля-тот-который-всё-роняет». И мне стало... невыносимо. Я надеялся, что если совершу подвиг, они наконец увидят во мне кого-то стоящего. Но в глубине души я боюсь, что они правы. Что я действительно... никчёмный.

Последнее слово он почти выплюнул. Наташа увидела, как дрогнули его плечи, и ей захотелось сказать что-нибудь утешительное. Но лиса уже повернулась к сёстрам.

– Ваш черёд.

Елена Прекрасная сделала глубокий вдох. Сияние вокруг неё стало совсем тусклым – как свеча, которую вот-вот задует ветер.

– Моя красота – это не дар. Это клетка, – сказала она тихо. – Люди видят свет, сияние, совершенство. Они восхищаются. Они очарованы. Но они не видят меня. Ни разу в жизни никто не посмотрел мне в глаза и не увидел просто Лену. Обычную девушку, которая боится темноты, любит солёные огурцы и ужасно поёт, когда никто не слышит. Все видят Елену Прекрасную. Идеал. Символ. Икону. А я... я устала быть иконой.

По её щеке скатилась слеза, и там, где она упала на камень, расцвёл крошечный голубой цветок.

Лиса мягко кивнула и повернулась к последней.

Елена Премудрая сняла очки и протёрла их краем плаща. Без очков она выглядела уязвимой – совсем юной, совсем не премудрой.

– Я завидую сестре, – сказала она ровным голосом, но Наташа заметила, как побелели её пальцы, сжимающие очки. – Всю жизнь. Она – свет и красота. Она входит в комнату, и все поворачиваются к ней. А я – книги и знания. Умная сестра. Полезная. Та, к которой приходят за советом, но не за теплом. Я всю жизнь убеждала себя, что ум важнее красоты. Но правда в том, что мне просто хотелось, чтобы хоть раз кто-нибудь посмотрел на меня так, как смотрят на неё.

Елена Прекрасная повернулась к сестре с потрясённым лицом.

– Лена...

– Не надо, – быстро сказала Елена Премудрая, водружая очки обратно на нос. – Я сказала правду. Этого достаточно.

Лиса некоторое время молчала, глядя на них янтарными глазами. Потом встала, потянулась и сказала:

– Четыре правды. Четыре раны. Вы храбрее, чем думаете. Все четверо.

Она повернулась и побежала по тропе. Обернулась.

– За мной. Я выведу вас. И вот что я вам скажу, хотя не обязана: в Башне вам понадобятся не мечи и не заклинания. Вам понадобится то, что вы только что показали. Честность. Перед собой и друг перед другом. Запомните это.

Они пошли за лисой. Ущелье петляло, разветвлялось, уходило вниз и поднималось вверх. Без проводника они бы точно заблудились – каждый поворот выглядел одинаково, каждый камень был похож на предыдущий.

Шли молча. Каждый переваривал услышанное. Наташа чувствовала странную лёгкость – как будто тяжёлый камень, который она носила в груди годами, вдруг стал чуть легче. Не исчез, нет. Но стал легче.

Через час лиса остановилась у выхода из ущелья. Впереди лежала широкая зелёная долина, рассечённая десятками ручьёв. Они блестели на солнце, как серебряные нити.

– Долина тысячи ручьёв, – сказала лиса. – Башня – на том конце. Удачи, путешественники.

И она исчезла. Просто растворилась в воздухе, как рыжий дым.

Глава 6. Долина, где ручьи текли вспять

Долина тысячи ручьёв была красивой. Невозможно, неправдоподобно красивой.

Ручьи пересекали её во всех направлениях – десятки, может быть, сотни, журчащих, звенящих, играющих солнечными бликами. Между ними росла трава такой яркой зелени, что было больно глазам. Цветы – красные, синие, жёлтые, белые – покрывали берега ручьёв пёстрым ковром.

Но и здесь сбой дал о себе знать. Некоторые ручьи текли вспять – от устья к истоку, снизу вверх, вопреки всем законам физики. Трава местами была покрыта инеем, а в двух шагах дальше – выжжена, как в разгар засухи. Цветы раскрывались и закрывались в бешеном ритме, словно кто-то перематывал время.

– Это как ускоренная съёмка, – пробормотал Коля, глядя на ромашку, которая за минуту прожила весь свой жизненный цикл: проросла, расцвела, завяла и рассыпалась семенами. Рядом уже лезли новые ростки.

– Время здесь нестабильно, – сказала Елена Премудрая. – Не просто времена года – само время. Ближе к Башне сбой затрагивает более глубокие слои реальности.

– Как нам перейти долину, если время здесь скачет? – спросила Наташа.

– Осторожно. Идти по камням в ручьях. Вода – проводник времени, она стабильнее земли. Пока мы в ручье – мы в своём времени.

– А если оступимся?

– Можем попасть в петлю. Прожить один и тот же час снова и снова. Или состариться за минуту. Или помолодеть до младенца.

– Замечательно, – сказал Коля. – Я и по ровной дороге спотыкаюсь, а тут – прыгать по камням в ручье, где время скачет. Что может пойти не так?

Но они пошли. Наташа первой, нащупывая путь. Ветер здесь был оглушительно громким – все четыре голоса кричали одновременно, и Наташе приходилось зажимать уши, чтобы голова не раскалывалась. Но направление она держала.

Они шли по камням, перепрыгивая с ручья на ручей. Вода была ледяной в одних и кипяточной в других. Один раз Елена Прекрасная оступилась и встала ногой на траву – и её волосы мгновенно побелели, как у старухи. Наташа дёрнула её обратно на камень, и волосы снова стали золотыми.

– Спасибо, – выдохнула Елена Прекрасная, побледнев.

– Не за что. Просто не сходи с камней.

Коля, как ни странно, держался лучше всех. Его четыре ноги обеспечивали устойчивость, которой не хватало остальным. Он шёл уверенно, ставя копыта точно на камни, и даже помогал другим – подавал руку, подставлял бок, чтобы опереться.

– Смотри-ка, – заметила Наташа. – На камнях ты не спотыкаешься.

– Потому что здесь я знаю, что каждый шаг важен, – серьёзно ответил Коля. – Дома я спотыкался, потому что мне было всё равно. Зачем стараться, если все заранее решили, что ты неудачник?

Наташа посмотрела на него по-новому. Коля-тот-который-всё-роняет? Нет. Коля, который просто не имел причины стараться. До сих пор.

Они переходили долину несколько часов. К середине пути ручьи стали сливаться, образуя неглубокую, но широкую реку. Камни в ней были большие, плоские – идти стало легче. Но временные аномалии участились. Справа от тропы Наташа увидела дерево, которое росло

задом наперёд – из взрослого превращалось в саженец, из саженца – в семечко. Слева стоял куст, покрытый одновременно цветами, ягодами и снегом.

– Мне кажется, или Башня ближе? – спросила Елена Прекрасная.

Наташа подняла голову. Впереди, на дальнем краю долины, там, где горы снова смыкались, она увидела... что-то. Силуэт, едва различимый за маревом нестабильного воздуха. Высокий, тонкий, как игла, уходящий в небо.

– Вижу, – выдохнула она.

Башня Семи Ветров.

Часть третья. Башня

Глава 7. Подножие

К Башне они подошли на закате. Хотя «закат» – слово неточное. Солнце не садилось; оно металось по небу, как пьяная бабочка, то поднимаясь в зенит, то ныряя к горизонту. Тени бесновались, удлиняясь и укорачиваясь каждые несколько секунд.

Башня была огромной.

Наташа представляла себе что-то вроде сторожевой вышки или колокольни – высокую, но обычную каменную постройку. Реальность оказалась масштабнее.

Башня Семи Ветров была высотой с гору. Её основание – широкое, круглое, из серого-голубого камня – занимало половину лощины. Стены поднимались вверх, сужаясь, и уходили в облака. Нет – выше облаков. Облака кружили вокруг башни, цепляясь за выступы и карнизы, как привязанные собаки.

Камень башни был покрыт резьбой. Тысячи, десятки тысяч узоров – ветви, листья, снежинки, солнечные лучи, волны, языки пламени. Узоры двигались. Наташа видела, как каменные листья дрожали на каменном ветру, как каменные волны набегали на каменный берег. Башня была живой.

У основания была дверь. Одна-единственная, высокая, из тёмного металла, покрытого зелёной патиной. На двери не было ни ручки, ни замочной скважины. Только гладкая металлическая поверхность и надпись, выложенная серебряными буквами:

«Войдёт тот, кого ветер позвал»

– Ну, ветер определённо позвал меня, – сказала Наташа и положила ладонь на дверь.

Ничего не произошло. Дверь осталась закрытой. Металл был холодным.

– Может, надо постучать? – предложил Коля.

– Это магическая дверь, а не дверь соседа, – фыркнула Елена Премудрая.

– А если попробовать так? – Елена Прекрасная шагнула к двери, и её сияние, до этого мерцавшее неровно, вдруг вспыхнуло – ярко, горячо, как солнечный луч. Свет коснулся двери, и металл загудел, как огромный колокол. Но дверь не открылась.

– Нужно что-то другое, – сказала Наташа. Она прижала ухо к двери и прислушалась. За металлом, глубоко внутри башни, звучал ветер. Все семь голосов. Но один из них – самый тихий, едва различимый – был не похож на остальные. Он не пел о временах года. Он пел о... сожалении? Тоске? Чём-то очень человеческом.

– Тайный ветер, – прошептала Наташа. – Он там, за дверью. И он – ключ.

– «Седьмой ветер дует изнутри», – напомнила Елена Премудрая.

Наташа выпрямилась. Посмотрела на дверь. Потом закрыла глаза.

Ветер, который дует изнутри. Не снаружи, не от гор, не от моря. Изнутри. Из неё самой.

Она подумала о том, что сказала лисе. О страхе. О одиночестве. О том, что проще не подпускать никого, чем рисковать. И потом подумала о последних днях. О Коле, который спотыкается, но не сдаётся. О Елене Прекрасной, которая сияет, но мечтает быть обычной. О Елене Премудрой, которая знает всё, кроме того, что она заслуживает любви.

Она подпустила их. Она рискнула. И не жалела.

Наташа открыла рот и запела.

Она не знала, что за мелодия рождается в её горле. Это была не песня в обычном смысле – скорее, звук, идущий откуда-то из самой глубины, из того места, где прячутся вещи, которые не говоришь вслух. Мелодия была простой – несколько нот, повторяющихся, как биение сердца. Но в ней было всё: и страх, и надежда, и одиночество, и тепло, которое она нашла в своих спутниках.

Дверь засветилась.

Серебряные буквы вспыхнули, узоры на камне пришли в движение, и тяжёлая металлическая створка медленно, с глубоким вздохом, отошла в сторону.

За дверью была лестница. Широкая, винтовая, уходящая вверх в полумрак.

– Вот это да, – прошептал Коля.

– Семь уровней, – напомнила Елена Премудрая. – Семь испытаний.

Наташа посмотрела на спутников. Коля кивнул, расправив плечи. Елена Прекрасная улыбнулась – не ослепительно, а тихо, по-настоящему. Елена Премудрая захлопнула книгу, и в её глазах горел огонь.

– Идёмте, – сказала Наташа.

И они вошли в Башню Семи Ветров.

Глава 8. Первые четыре ветра

Первый уровень башни был царством Южного ветра.

Лестница вывела их в огромный круглый зал, залитый ослепительным светом. Стены были облицованы золотистым камнем, и от них исходил жар – настоящий, палящий, как в пустыне в полдень. Пол был покрыт песком, горячим на ощупь. В центре зала стоял фонтан, но вода в нём кипела, выбрасывая вверх столбы пара.

Жара навалилась мгновенно. Наташа почувствовала, как шерсть стала мокрой от пота. Коля тяжело задышал – кентавры не созданы для зноя. Обе Елены прикрыли лица руками.

– Южный ветер – ветер лета и жары, – прохрипела Елена Премудрая. – Испытание: нужно добраться до двери на другой стороне зала. Но жара будет усиливаться с каждым шагом.

Наташа посмотрела через зал. На противоположной стене виднелась арка – вход на следующую лестницу. До неё было шагов сорок. Сорок шагов по раскалённому песку, в убийственном зное.

– Я могу помочь, – сказала Елена Прекрасная. – Мой свет – он может быть не только тёплым. Если я... – Она сосредоточилась, и сияние вокруг неё изменилось. Из золотистого оно стало серебристым, прохладным, как лунный свет. – Вот так. Я могу создать прохладу. Ненадолго.

– Надолго и не надо, – сказала Наташа. – Бежим!

Они бросились через зал. Елена Прекрасная бежала в центре, расширяя свой серебристый кокон, чтобы накрыть всех четверых. Жар давил снаружи, как раскалённый пресс, но внутри кокона было терпимо. Коля неся галопом, его копыта взрывали песок, Наташа держалась рядом, а Елена Премудрая бежала последней, подгоняемая стеной жара.

Двадцать шагов. Пятнадцать. Серебристый свет Елены Прекрасной начал мерцать – она выдыхалась.

– Держись! – крикнула Наташа.

Десять шагов. Пять. Коля первым влетел в арку, обернулся, подхватил Наташу за руку, Наташа – Елену Премудрую, а Елена Прекрасная рухнула через порог последней, и серебристый свет погас, как задутая свеча.

Они лежали на прохладном каменном полу лестничной площадки и тяжело дышали. За аркой жар бесновался, но сюда не доставал.

– Один, – сказала Наташа.

Второй уровень – Северный ветер.

Здесь было холодно. Не просто холодно – запредельно, невыносимо, до костей. Зал был покрыт льдом. Стены, пол, потолок – всё сверкало голубым. С потолка свисали сосульки длинной в человеческий рост. Ветер дул ровно и жёстко, как из открытой морозильной камеры.

– Северный ветер – ветер зимы, – стуча зубами, сказала Елена Премудрая. – Испытание на выносливость. Нужно... п-п-пройти зал... не замёрзнув.

– Моя очередь, – сказал Коля.

Он выступил вперёд и встал грудью к ветру. Его тело – массивное, сильное – приняло на себя основной удар. Он шёл первым, прокладывая дорогу, как ледокол, а остальные прятались за ним, в тёплой тени его широкой спины и лошадиного крупа.

Ветер выл, швырял в них ледяные иглы, пытался сбить с ног. Коля шатался, но не останавливался. Его шерсть покрылась инеем, ресницы заledenели, но он шёл. Шаг за шагом. Копыто за копытом.

– Почти! – крикнула Наташа. – Ещё немного!

Коля низко опустил голову и прибавил шаг. Последние метры он уже почти бежал – слепо, упрямо, яростно. И выломился через арку на другую сторону, как бык через забор, увлекая за собой остальных.

Они рухнули на тёплый камень. Коля лежал, тяжело дыша, и иней медленно таял на его шкуре.

– Два, – сказала Наташа.

Третий уровень – Западный ветер.

Этот зал был заполнен туманом. Густым, плотным, пахнущим мокрой землёй и опавшими листьями. Осенний ветер. Он не обжигал и не замораживал – он тосковал. Мелодия, которую Наташа слышала здесь, была пронзительно печальной, полной утрат и прощаний.

И в тумане были образы. Наташа видела своё прошлое: маму, которая уехала, когда Наташа была маленькой. Друзей, которых она оттолкнула. Тёплые дни, которые никогда не вернутся.

Коля видел своё: насмешливые лица соплеменников, отца, который отворачивался с разочарованием.

Елена Прекрасная видела ряды восхищённых лиц – десятки, сотни, тысячи, – и ни одного, которое видело бы её настоящую.

Елена Премудрая видела сестру, вечно стоящую на шаг впереди, вечно сияющую ярче.

– Это иллюзии! – крикнула Елена Премудрая, хотя голос её дрожал. – Западный ветер играет на тоске! Не смотрите! Идите за голосом Наташи!

Наташа запела – ту же мелодию, которой открыла дверь. Мелодию, идущую изнутри. Она звучала тихо, но в тумане каждая нота разносилась далеко. Спутники пошли на звук, как на маяк, и Наташа вела их, не открывая глаз, ориентируясь по ветру.

Они прошли зал, ни разу не остановившись. Образы тянулись к ним из тумана, шептали, звали, обещали – но мелодия Наташи была сильнее.

– Три.

Четвёртый уровень – Восточный ветер.

Весна. Зал был полон света и цветов. Казалось бы – что здесь страшного? Но испытание Восточного ветра оказалось самым коварным.

Зал был прекрасен. Настолько прекрасен, что не хотелось уходить.

Цветы пели. Трава была мягкой, как пух. Воздух пах мёдом и ландышами. Солнечный свет лился сверху, тёплый и нежный. Всё тело наполнялось покоем, лёгкостью, счастьем. Зачем идти дальше? Зачем карабкаться на следующий уровень? Здесь так хорошо. Здесь можно остаться. Навсегда.

Наташа почувствовала, как ноги стали ватными. Она села на траву, и трава обняла её, как мягкое одеяло. Рядом опустился Коля, блаженно закрыв глаза. Елена Прекрасная легла среди цветов, и её сияние слилось с солнечным светом.

Только Елена Премудрая осталась стоять.

– Нет, – сказала она. – Нет, нет, нет. Это ловушка. Восточный ветер – ветер весны. Начала. Надежды. Он показывает то, чего вы хотите больше всего, и заставляет остановиться. Не идти дальше. Застыть в вечной весне.

– Но здесь так хорошо... – сонно пробормотала Наташа.

– Вставай! – Елена Премудрая подошла и тряхнула её за плечо. – Наташа, вставай! Вспомни, зачем мы здесь! Хранитель! Башня! Мир рушится!

Наташа моргнула. Образ идеального покоя дрогнул, как отражение в воде.

– Мир... рушится, – повторила она.

– Да! И если мы тут заснём в цветочках, через тридцать дней мир расколется! Вставай!

Наташа встала. Тряхнула Колю. Кентавр вскочил, ошалело озираясь. Вместе они подняли Елену Прекрасную, которая зевнула и посмотрела на них мутным взглядом.

– Что... где...

– К выходу, – скомандовала Елена Премудрая. – Быстро. Не оглядываться.

Они пробежали зал, зажимая уши, чтобы не слышать пение цветов. Елена Премудрая бежала последней, подталкивая отстающих, и ни разу не посмотрела на цветы.

– Четыре, – задыхаясь, сказала Наташа на лестнице. – Спасибо, Лена. Без тебя мы бы остались там навсегда.

Елена Премудрая поправила очки. Её руки тряслись.

– Мне тоже хотелось остаться, – тихо сказала она. – Очень. Но знания сильнее иллюзий. Я знала, что это ловушка. Знание спасло нас.

Глава 9. Верхний и Нижний ветер

Пятый уровень – Верхний ветер.

Лестница вывела их не в зал, а на открытую площадку. Они стояли на узком каменном карнизе, опоясывающем башню снаружи. Внизу – далеко внизу – лежала долина, крошечная, как рисунок на карте. Облака были не над головой, а под ногами. Ветер бил снизу вверх, подбрасывая полы плащей, забираясь под одежду.

– Верхний ветер, – сказала Елена Премудрая, вцепившись в стену. – Ветер высоты. Испытание... – Она посмотрела вниз и побледнела. – Испытание на преодоление страха высоты. Нужно обойти карниз и войти в дверь на другой стороне.

Карниз был узким. Очень узким. Два шага для человека, полтора для кентавра. Никаких перил.

– Я не пройду, – сказал Коля, глядя на карниз. – Посмотри на ширину. Я застряну.

– Нет, – сказала Наташа. – Ты пройдёшь. В долине ты шёл по камням в ручье и не оступился ни разу. Ты умеешь быть точным, когда это важно.

– Это было по горизонтали! А тут – вертикаль! Внизу – километр пустоты!

– Не смотри вниз.

– Я уже посмотрел!

– Тогда смотри на меня.

Наташа встала перед ним, лицом к лицу, и положила ладонь ему на руку.

– Я пойду первой, – сказала она. – Ты – за мной. Смотри на мою спину. Только на спину. Не вниз, не вверх, не по сторонам. Только на меня.

Коля сглотнул. Кивнул.

Наташа повернулась и шагнула на карниз. Ветер рванул вверх, пытаясь сбросить её, но она прижалась к стене и сделала шаг. Ещё один. Ещё.

Коля шёл за ней, переставляя копыта с точностью хирурга. Его огромное тело прижималось к камню, и Наташа слышала его хриплое дыхание у себя за спиной.

За ними шли сёстры Елены, вцепившись друг в друга – одна рука сестры, другая – за камень.

Середина карниза. Ветер усилился. Он уже не просто дул – он ревел, свистел, выл. Облака внизу крутились водоворотом.

– Не останавливайся! – крикнула Наташа, не оборачиваясь.

– Не собираюсь! – крикнул Коля. – Хотя очень хочу!

Последние шаги. Дверь была рядом – узкая арка в каменной стене. Наташа нырнула внутрь, Коля протиснулся следом, и обе Елены влетели за ними, как два золотистых вихря.

– Пять, – сказала Наташа, переводя дух.

Шестой уровень – Нижний ветер.

Противоположность Верхнего. Лестница вела вниз, глубоко под землю – или, по крайней мере, так казалось, хотя они находились внутри башни, высоко над землёй. Магия. Зал был тёмным, низким, с давящим потолком. Ветер здесь дул сверху вниз, вжимая в пол. Каждый шаг давался с трудом, как будто на плечи навалили мешки с камнями.

– Нижний ветер – ветер глубин, – прохрипела Елена Премудрая. – Ветер тяжести. Он давит на тело и душу. Испытание – дойти до конца, несмотря на тяжесть.

Тяжесть была не только физической. С каждым шагом Наташу накрывало: вина, сомнения, все ошибки, которые она когда-либо совершала, все слова, которые стоило сказать, но она промолчала. Груз прошлого. Груз нерешённых проблем. Груз того, что могло бы быть, но не случилось.

Они шли, согнувшись, как старики. Коля почти полз. Елена Прекрасная плакала тихо, и слёзы не падали вниз – ветер вдавливал их обратно в глаза. Елена Премудрая шептала что-то себе под нос – цитаты, формулы, названия книг, – цеплялась за знания, как за спасательный канат.

Наташа шла и думала: мне не нужно нести всё это одной.

Она протянула левую руку и нашла лапу Коли. Протянула правую – и нашла пальцы Елены Прекрасной. Елена Прекрасная взяла за руку сестру.

Четверо, связанные, как звенья цепи.

И тяжесть не исчезла, но разделилась. Каждый нёс четверть вместо целого. Каждый поддерживал каждого. И они дошли.

– Шесть, – сказала Наташа.

Оставался один уровень. Последний. Тайный ветер.

Глава 10. Тайный ветер

Лестница привела их в круглый зал на самой вершине башни.

Зал был пуст. Ни мебели, ни украшений, ни узоров на стенах. Только гладкий серый камень, высокий купол с отверстием наверху, через которое было видно небо, и – в центре зала – каменное кресло.

В кресле спал человек.

Старик. Седой, с длинной бородой, в простом сером плаще. Руки сложены на груди, глаза закрыты. Он выглядел мирно, как человек, прилёгший вздремнуть после обеда. Но от него веяло магией – древней, глубокой, мощной, как корни горы.

Хранитель.

– Он просто... спит? – спросил Коля.

Наташа подошла ближе. Прислушалась. Ветра здесь были тихими – все семь голосов звучали едва слышно, как бормотание спящих. Но седьмой, тайный голос, был громче остальных. Он пел прямо здесь, в зале. Пел о...

– Он спит не просто так, – сказала Наташа. – Его усыпили. Но не враг. Он сам.

– Сам? – переспросила Елена Премудрая.

Наташа слушала тайный ветер. Мелодия была сложной, многослойной, и Наташе потребовалось время, чтобы разобрать её. Но постепенно история проявилась, как рисунок на старом гобелене.

– Хранитель устал, – медленно сказала Наташа. – Он стоит на страже тысячу лет. Один. Без друзей, без семьи, без отдыха. Он направляет ветра, следит за временами года, поддерживает баланс. Каждый день, каждый час, каждую минуту. Тысячу лет.

Она замолчала. Все смотрели на спящего старика.

– И однажды он просто... сдался, – продолжила Наташа. – Не потому что был злой или безответственный. Потому что устал. Бесконечно, безнадежно устал. Тайный ветер – это ветер усталости. Ветер, который дует изнутри, когда ты отдал всё и у тебя ничего не осталось.

Тишина.

– Как его разбудить? – тихо спросила Елена Прекрасная.

– Я не знаю, – сказала Наташа. – Может, никак. Может, его нельзя будить. Может, ему нужно дать отдохнуть.

– Но если он не проснётся, мир расколется! – сказал Коля.

– Я знаю.

– Тогда что нам делать?

Наташа посмотрела на Хранителя. На его усталое лицо, на глубокие морщины, на руки, покрытые старческими пятнами. Тысячу лет. Одному.

– Лиса сказала, что нам понадобится честность, – напомнила Наташа. – Не мечи. Не заклинания. Честность.

Она повернулась к спутникам.

– Он уснул, потому что был один. Потому что тысячу лет нёс всё на себе, и некому было помочь. И вот вопрос: мы пришли его будить или мы пришли ему помочь?

– А в чём разница? – спросил Коля.

– Будить – это сказать: «Вставай, ты нужен миру». А помочь – это сказать: «Ты не один. Мы здесь. Давай вместе».

Елена Премудрая медленно кивнула.

– В «Песни о Первом Хранителе» есть строки: «Когда Хранитель падёт от усталости, пусть четверо встанут на его место – не вместо него, но рядом с ним».

– Четверо, – повторила Елена Прекрасная. – Нас четверо.

– Совпадение? – спросил Коля.

– В сказках не бывает совпадений, – сказала Елена Премудрая.

Наташа подошла к Хранителю вплотную. Опустилась на колени. Положила ладонь на его руку. Рука была холодной, как камень, но Наташа почувствовала под кожей слабое биение пульса.

– Мы здесь, – сказала она. – Ты не один. Мы не просим тебя встать. Мы предлагаем тебе помощь.

Она запела. Ту самую мелодию – простую, честную, идущую из глубины. Но на этот раз она пела не одна.

Елена Прекрасная подошла и встала рядом. Её сияние вспыхнуло – золотое, серебряное, все цвета радуги – и обняло Хранителя мягким светом. Она не пела, но её свет звучал, как музыка.

Елена Премудрая встала с другой стороны. Она положила руку на камень кресла и закрыла глаза. Она не пела и не светилась, но от неё исходил покой – тихий, глубокий, как озеро, на дне которого лежат все книги мира.

Коля подошёл последним. Он встал позади кресла, положил ладони на спинку и просто стоял. Крепко, надёжно, как скала. Он не умел петь и не владел магией, но он умел одно: быть рядом. Стоять. Не уходить. Не сдаваться.

Четверо встали вокруг Хранителя – не вместо него, но рядом.

И тайный ветер запел.

Он пел о том, что усталость – не слабость. Что просить о помощи – не поражение. Что одиночество – не судьба. Что мир держится не на одном, а на всех. На каждом, кто готов подставить плечо.

Хранитель открыл глаза.

Часть четвёртая. Новый ветер

Глава 11. Пробуждение

Глаза у Хранителя были голубые. Яркие, как весеннее небо, и очень, очень усталые.

Он смотрел на них – на панду, на кентавра, на двух золотоволосых девушек – и не понимал. Наташа видела это в его взгляде: недоумение, растерянность, как у человека, которого разбудили посреди ночи.

– Кто... – начал он, и голос его прозвучал хрипло, как несмазанная дверь. Он закашлялся.
– Кто вы?

– Мы – помощь, – просто сказала Наташа.

Хранитель моргнул. Посмотрел на свои руки. На каменное кресло. На купол над головой, через отверстие в котором виднелось безумное небо – солнце и луна висели в нём одновременно, облака мчались в разные стороны, и звёзды мерцали рядом с радугой.

– Сколько я спал? – спросил он.

– Десять дней, – ответила Елена Премудрая. – Времена года перемешались. Мир начинает трескаться по швам.

Хранитель закрыл глаза. По его щеке скатилась слеза – медленная, тяжёлая, как капля расплавленного серебра.

– Я не хотел... – прошептал он. – Я просто устал. Так устал. Тысячу лет я слушаю ветра и говорю им, куда дуть. Тысячу лет я слежу, чтобы зима сменяла осень, а весна приходила вовремя. И ни разу – ни одного раза за тысячу лет – никто не спросил: «Как ты, Хранитель? Не устал ли?»

– Мы спрашиваем, – сказал Коля. – Как ты?

Хранитель посмотрел на него. В его глазах мелькнуло что-то – удивление? благодарность? – и он усмехнулся. Слабо, одним уголком рта, но это была первая улыбка за тысячу лет.

– Устал, – ответил он. – Смертельно. Я стар, измотан и давно забыл, каково это – разговаривать с кем-то, кроме ветра.

– Мы пришли не будить тебя, – сказала Наташа. – Вернее, не только будить. Мы пришли предложить помощь. Настоящую.

Она рассказала ему то, что прочитала Елена Премудрая, – о четверых, которые встают рядом с Хранителем. О том, что бремя можно разделить.

Хранитель слушал молча. Его голубые глаза переходили с одного лица на другое – внимательно, изучающе, как человек, который привык читать ветра и теперь пытается прочесть людей.

– «Когда Хранитель падёт от усталости, пусть четверо встанут на его место – не вместо него, но рядом с ним», – повторил он слова поэмы. – Я знаю эти строки. Я слышал их тысячу лет назад, когда мой предшественник передавал мне Башню. Он сказал: «Когда-нибудь они придут. Четверо. Те, кого позовёт ветер». Я ждал. Сто лет. Триста. Пятьсот. Никто не приходил. И я решил, что это просто красивые слова. Утешение для того, кто обречён нести бремя в одиночку.

– Мы пришли, – сказала Наташа.

– Я вижу. – Хранитель помолчал. – Но вы не понимаете, что это значит. Направлять ветра – это не просто работа. Это жизнь. Вы будете привязаны к Башне. Вы будете слышать голоса ветров днём и ночью. Вы будете чувствовать каждую бурю, каждый штиль, каждый снегопад, каждый рассвет. Это... – он поискал слово, – это тяжело.

– Тяжелее, чем нести в одиночку? – спросила Елена Премудрая.

Хранитель посмотрел на неё долгим взглядом.

– Нет, – признал он. – Ничто не тяжелее, чем нести в одиночку.

– Тогда давай попробуем по-другому, – сказала Наташа. – Расскажи нам, как это работает.

Хранитель медленно поднялся из кресла. Его движения были скованными – тело, пролежавшее без движения десять дней, слушалось плохо. Коля шагнул вперёд и подставил руку. Хранитель посмотрел на неё с удивлением – как на что-то давно забытое, – и опёрся.

– Спасибо, – сказал он тихо. – Я уже не помню, когда в последний раз кто-то...

Он не договорил. Просто кивнул и, опираясь на Колину руку, подошёл к стене.

– Смотрите, – сказал он и коснулся камня ладонью.

Стена ожила. Серый камень стал прозрачным, как стекло, и за ним открылся вид – не на долину внизу, а на весь мир. Материки, океаны, горы, леса – всё лежало перед ними, как на огромной живой карте. И над этой картой неслись ветра.

Наташа видела их – не просто чувствовала, а видела. Потоки воздуха, раскрашенные в разные цвета: золотой – южный, серебряный – северный, медный – западный, изумрудный – восточный. И ещё два – белый, идущий вверх, и чёрный, устремлённый вниз. Верхний и Нижний. Шесть ветров, сплетённых в огромный, невообразимо сложный узор.

Сейчас узор был в беспорядке. Потоки налезали друг на друга, сталкивались, закручивались в хаотичные воронки. Наташа видела, как золотой южный ветер врывается в серебряный северный и оба разлетались искрами. Как медный западный заплетался с изумрудным восточным, образуя тугие узлы.

– Вот так выглядит хаос, – сказал Хранитель. – Каждый ветер знает свою работу. Южный несёт тепло. Северный – холод. Западный ведёт осень, восточный – весну. Верхний поднимает облака, нижний опускает дождь. Но без дирижёра они не могут работать вместе. Они сталкиваются, мешают друг другу, и мир получает зиму в июне, лето в декабре и весну с осенью одновременно.

– И ты – дирижёр, – сказала Наташа.

– Был. Тысячу лет. – Хранитель опустил руку, и стена снова стала непрозрачной. – Чтобы направлять ветра, нужно слышать их. Все шесть одновременно. И – седьмой. Тайный. Он связывает остальные.

– Я слышу ветер, – сказала Наташа. – Я слышу его с детства. Могу я...

– Ты слышишь его мелодию. Это дар, редкий и ценный. Но чтобы направлять, нужно не просто слышать – нужно отвечать. Петь в ответ. Поддерживать гармонию. И для этого... – он обвёл их взглядом, – для этого одного голоса мало. Поверьте, я знаю. Тысячу лет я пытался петь один. И каждый год мой голос становился тише. Пока не пропал совсем.

– Но нас четверо, – сказала Елена Прекрасная. – Четыре голоса.

Хранитель кивнул. Медленно, задумчиво.

– Да. Четыре голоса. И каждый из вас – я это чувствую – настроен на свою волну. Ты, – он посмотрел на Наташу, – слышишь мелодию. Ты – проводник, тот, кто ловит голос ветра и переводит его на язык сердца. Ты, – он повернулся к Елене Прекрасной, – несёшь свет. Твой дар – гармония с природой, резонанс с живым миром. Ты можешь разговаривать с ветром на языке весны и лета. Ты, – Елена Премудрая, – хранишь знание. Ты – память, библиотека, карта всех ветров и всех времён. Без тебя остальные заблудятся. А ты... – он посмотрел на Колю и помолчал. – Ты – опора. Тот, кто стоит. Кто не уходит. Кто держит, когда всё рушится. Это не магия в привычном смысле. Это нечто более редкое.

Коля сглотнул.

– Я просто... упрямый, – сказал он.

– Упрямство – это другое название верности, – ответил Хранитель. – А верность – самая крепкая магия из всех.

Наташа почувствовала, как что-то меняется в воздухе. Тайный ветер – тот, седьмой, который пел о тоске и усталости, – зазвучал иначе. Тише. Мягче. Как будто в его мелодию влились новые голоса, и одинокая песня стала хором.

– Что нам делать? – спросила она.

Хранитель улыбнулся. На этот раз – по-настоящему.

– Петь, – сказал он. – Вместе.

Глава 12. Песня четверых

Хранитель привёл их на самую верхнюю площадку Башни – открытую, круглую, окружённую семью каменными столбами. Каждый столб был увенчан флюгером в виде птицы, и каждая птица указывала в свою сторону. Ветра свистели между столбами, сбивая с ног, путая волосы, раздувая плащи.

Небо отсюда было совсем близко – безумное, перемешанное небо, в котором день сменялся ночью каждые несколько минут. Солнце и луна носились по кругу, как дети на карусели. Звёзды вспыхивали и гасли. Горизонт мерцал, словно нарисованный на воде.

– Встаньте у столбов, – сказал Хранитель. – Наташа – у северного. Елена Прекрасная – у южного. Елена Премудрая – у западного. Коля – у восточного.

– А остальные три? – спросила Наташа, занимая место.

– Верхний и нижний я возьму на себя. А седьмой... – Хранитель подошёл к центру площадки, где не было столба – только небольшой круг, выложенный из белого камня. – Седьмой ветер не принадлежит никому. Он рождается между нами. Когда мы поём вместе – он появляется сам.

Наташа прижалась спиной к холодному камню северного столба. Ветер здесь был ледяным – чистый, прозрачный, пахнувший снегом. Серебряный поток, который она видела на карте мира, проходил прямо через неё, как река через мост. Она чувствовала его – каждую снежинку, каждый кристалл инея, каждый морозный рассвет на каждой заснеженной равнине мира. Это было... много. Слишком много. Голова закружилась.

– Не пытайся охватить всё сразу, – сказал Хранитель, стоя в центре с закрытыми глазами. – Слушай. Найди ритм. Свой ритм. И пой ему в такт.

Наташа закрыла глаза. Серебряный ветер ревел в ушах, как водопад. Тысячи голосов – вьюги, метели, тихие снегопады, хрустящий мороз, – все кричали одновременно, перебивая друг друга.

Она вспомнила бамбуковую рощу. Тихое зимнее утро. Снежинки на ветках бамбука. Тишину, от которой звенит в ушах. Спокойствие. Покой.

И она запела.

Не громко. Тихо, почти шёпотом. Но в этом шёпоте был ритм – медленный, спокойный, как падение снежинки. И серебряный ветер услышал. Он дрогнул, замер на мгновение – и подхватил её мелодию. Вьюги утихли. Метели замедлились. Снегопады стали ровными, мерными, как дыхание спящего ребёнка.

Наташа открыла глаза. Серебряный поток, который минуту назад метался хаотично, теперь тёк ровно и плавно – на север, к полюсу, где ему и следовало быть.

– Получилось! – выдохнула она.

– Не останавливайся, – предупредил Хранитель. – Елена! Твоя очередь.

Елена Прекрасная стояла у южного столба. Золотой ветер бил ей в лицо – горячий, яростный, пахнувший раскалённым песком и цветущими тропическими лесами. Её сияние, обычно ровное и мягкое, пульсировало в такт порывам – рвано, нервно, как мигающий фонарь.

Елена подняла руки. Её пальцы засветились – не золотым, а тёплым оранжевым, цветом заката, цветом спелых апельсинов, цветом летнего костра. Она не запела – она засмеялась. Легко, звонко, как ручеёк, – и золотой ветер замер, прислушиваясь. В этом смехе было лето – настоящее, правильное лето: не палящий зной и не убийственная жара, а долгие тёплые дни, запах скошенной травы, ленивое жужжание пчёл, прохлада речной воды в полуденный час.

Золотой поток успокоился. Он перестал бесноваться и потёк на юг – ровно, щедро, неся тепло, но не жар.

– Елена! – позвал Хранитель.

Елена Премудрая стояла у западного столба. Медный ветер – осенний, тоскливый, пахнувший прелыми листьями и дождём – окутывал её, как плащ. Она не пела и не смеялась. Она стояла прямо, с закрытыми глазами, и губы её беззвучно двигались.

Она читала. Наташа поняла это не сразу, а потом догадалась – Елена Премудрая читала по памяти. Все книги, которые когда-либо прочла. Все истории, все знания, все мудрости и глупости, все летописи и сказки. Она отдавала медному ветру то, что знала лучше всего, – порядок. Структуру. Логику.

Осень – это не хаос. Осень – это подведение итогов, сбор урожая, подготовка к зиме. В ней есть своя мудрость, свой смысл, своя красота. Елена Премудрая напонила об этом западному ветру, и тот – послушался. Медный поток выровнялся, стал плавным и глубоким, как полноводная река.

– Коля!

Коля стоял у восточного столба, и лицо у него было бледным. Изумрудный ветер – весенний, свежий, полный энергии и обещаний – бил ему в грудь, как кулак. Коля не умел петь. Не умел светиться. Не умел читать по памяти тысячи книг. Он был кентавром, который спотыкался на ровном месте и терял карту.

Но он умел стоять.

Коля упёрся всеми четырьмя копытами в камень площадки, положил ладони на столб и стиснул зубы. Изумрудный ветер ударил – и отскочил. Ударил снова – и снова отскочил. Коля стоял, как скала, как гора, как сама земля, и ветер, привыкший к тому, что всё ломается под его напором, впервые встретил то, что не ломается.

И остановился.

Не затих – просто перестал биться. Вместо этого он обтёк Колю, как вода обтекает камень, и потёк дальше – на восток, ровно и спокойно. Весенний ветер, ветер начала и надежды, нашёл свой путь.

Четыре потока – серебряный, золотой, медный, изумрудный – текли теперь ровно, каждый в свою сторону. Белый и чёрный – верхний и нижний – выровнялись сами, подхваченные общей гармонией, направленные тихим голосом Хранителя. Шесть ветров заняли свои места.

И тогда родился седьмой.

Наташа почувствовала его раньше, чем услышала. Тепло в груди – не жар, не огонь, а тихое, ровное тепло, как от ладони друга на плече. Оно шло не снаружи – изнутри. Из того места, где живёт всё настоящее: любовь, страх, надежда, отчаяние, радость.

Тайный ветер поднялся из центра площадки – из белого круга, где стоял Хранитель, – и закружился между столбами, связывая шесть потоков в единое целое. Он был бесцветным – или, точнее, всех цветов одновременно. Он пах всеми временами года разом и не пах ничем. Он звучал, как тишина, – та особенная тишина, которая наступает, когда все голоса наконец поют в унисон.

Небо вздрогнуло.

Наташа подняла голову – и увидела, как трещины в небесном своде затягиваются. Как солнце замедляется и находит своё место – на западе, у горизонта, потому что был вечер, настоящий вечер, правильный летний вечер. Луна терпеливо ждала по ту сторону горизонта. Звёзды погасли, уступив место закатным облакам – розовым, золотым, лиловым.

Мир вздохнул. Как человек, которому наконец вправили вывихнутый сустав. Больно – но правильно.

– Получилось, – прошептал Хранитель.

Он стоял в центре площадки, и слёзы текли по его морщинистым щекам. Но он улыбался. Не устало, не через силу – по-настоящему. Как человек, который тысячу лет шёл через пустыню и наконец увидел воду.

Глава 13. Новый порядок

Они сидели на площадке – Хранитель, панда, кентавр и две Елены – и смотрели на закат. Настоящий, правильный, неторопливый закат. Солнце садилось медленно, окрашивая облака во все оттенки золота и пурпура. Ветер дул ровно и мягко – летний, тёплый, пахнувший скошенной травой. Никакого снега. Никаких подснежников в июне. Никаких обратно текущих ручьёв.

– Это временно, – сказал Хранитель, нарушив молчание. – То, что вы сделали – это настройка. Как настройка музыкального инструмента. Ветра заняли свои места, но без постоянного присмотра они снова начнут разбредаться. Через неделю, может быть, через две – хаос вернётся.

– Значит, нужен постоянный дирижёр, – сказала Елена Премудрая.

– Нужны. Не один – несколько. Я это теперь понимаю. Тысячу лет я пытался справиться в одиночку, и тысячу лет был неправ.

Он повернулся к ним – четверо, сидящие полукругом, уставшие, растрёпанные, но живые. Невредимые.

– Я предлагаю вам выбор, – сказал он. – Честный и открытый. Вы можете уйти. Вернуться к своей жизни. Я продержусь ещё какое-то время – может быть, годы, может быть, десятилетия. Рано или поздно я снова упаду, и кто-то другой придёт к Башне. Или не придёт. Это не ваша ноша.

– А второй вариант? – спросила Наташа.

– Остаться. Стать Хранителями – вместе со мной. Не навсегда. Не на тысячу лет. Мы установим дежурство, смену. Каждый из вас будет приходить к Башне, когда наступит его время. Ты, Наташа, – зимой. Ты слышишь северный ветер лучше всех. Елена Прекрасная – летом: твой свет и радость – это язык южного ветра. Елена Премудрая – осенью: твои знания и порядок – то, что нужно западному ветру. А Коля – весной. Восточный ветер – ветер начала. Ему нужна опора, чтобы не заблудиться в собственной энергии.

– Каждый из нас – на своё время года? – уточнила Елена Прекрасная.

– По три месяца в году. Остальные девять вы живёте своей жизнью. А я наконец смогу отдохнуть. Не спать мёртвым сном – просто отдохнуть. Как нормальный старик. Посидеть у камина. Почитать книгу. Может быть, завести кота.

– Кота? – хмыкнул Коля.

– А что? Тысячу лет без кота – это жестоко.

Наташа посмотрела на спутников. Коля ответил ей прямым, открытым взглядом. Елена Прекрасная кивнула – чуть заметно, но уверенно. Елена Премудрая поправила очки и сказала:

– С точки зрения логики, это оптимальное решение. С точки зрения чувств – тоже.

Наташа повернулась к Хранителю.

– Мы остаёмся, – сказала она. – Все четверо.

Хранитель долго молчал. Закат догорал над горами, и первые звёзды проклёвывались на потемневшем небе – робко, неуверенно, как цветы после долгой зимы. Потом он наклонил голову – низко, почти до земли.

– Спасибо, – сказал он. И в этом одном слове было больше, чем в тысяче речей.

Глава 14. Возвращение

Они спускались из Башни на следующее утро.

Мир за стенами изменился. Долина тысячи ручьёв лежала в нормальном, спокойном, безупречно-летнем свете. Ручьи текли как положено – сверху вниз, подчиняясь гравитации, а не безумию. Трава была зелёной – одного оттенка, без инея, без выжженных проплешин. Цветы раскрывались и закрывались в нормальном, дневном ритме.

Наташа шла и слушала ветер. Он пел – ровно, чисто, гармонично. Летняя мелодия, без чужих нот, без фальши. Она звучала так красиво, что у Наташи защемило сердце.

Коля шагал рядом, и его копыта звонко стучали по камням. Он шёл уверенно, не спотыкаясь, – и Наташа заметила, что это не потому, что тропа стала ровнее. Что-то изменилось в самом Коле. Он стал держать спину прямее, а голову – выше. Как будто в Башне, стоя у восточного столба, он нашёл что-то, что потерял давным-давно. Или что-то, чего у него никогда не было.

– Ты больше не спотыкаешься, – сказала Наташа.

– Может быть, – ответил Коля. – А может, я просто перестал бояться споткнуться.

– В чём разница?

– Во всём. Раньше я так боялся выглядеть неуклюжим, что зажимался. Думал о каждом шаге. Следил за каждым копытом. И от этого спотыкался ещё больше. А сейчас я просто иду. Не думаю. Иду.

Наташа улыбнулась.

– Знаешь, это самая мудрая вещь, которую я слышала за всё путешествие.

– Эй! – подала голос Елена Премудрая из-за спин. – Мудрые вещи – это моя специальность!

– Тогда считай, что Коля у тебя подрабатывает, – хмыкнула Елена Прекрасная.

Сёстры шли рядом – и Наташа заметила ещё одну перемену. Они шли рядом. Не одна впереди, другая сзади. Не одна в центре внимания, другая в тени. Рядом. Плечо к плечу. И время от времени Елена Премудрая говорила что-нибудь тихо, только для сестры, а Елена Прекрасная смеялась – не ослепительным, очаровывающим смехом, а простым, человеческим, от которого у неё морщился нос.

Они переправились через реку – мост стоял на месте, каменный, заросший мхом. Прошли мимо Лисьих перевалов – на входе в ущелье сидела рыжая лиса и смотрела на них янтарными глазами. Не сказала ни слова. Просто кивнула. И исчезла.

Синий хребет они преодолели быстрее, чем в первый раз. Коля карабкался по камням с неожиданной ловкостью – или, точнее, с ловкостью, которая всегда в нём была, но пряталась за стеной неуверенности. Елена Прекрасная шла впереди, и её сияние освещало тропу мягким золотистым светом. Елена Премудрая шла последней и сверялась с внутренней картой, подсказывая, где повернуть и где ступать осторожнее.

Наташа шла посередине и слушала ветер. Тот пел о лете – о настоящем, правильном лете, которое катится к своей середине. О длинных днях и коротких ночах. О тёплых дождях и радугах. О ягодах, зреющих на кустах, и птенцах, учащихся летать.

Мир исцелялся.

На третий день спуска они вернулись к Шептун-лесу. Деревья шептали – но на этот раз тихо, спокойно, довольно. Они обсуждали дождь, который прошёл ночью (нормальный дождь, летний, тёплый), и новые побеги, которые наконец-то можно было растить без страха, что завтра ударит мороз.

На пятый день они вышли к бамбуковой роще. Зелёный холм стоял на месте – залитый солнцем, укутанный в буйную зелень, знакомый и родной. Наташин домик выглядывал из бамбуковых зарослей, как встрёпанный воробей из гнезда.

Наташа остановилась и посмотрела на своих спутников.

– Ну что, – сказала она. – Дошли.

– Дошли, – кивнул Коля.

Повисла пауза – из тех, которые бывают, когда путешествие закончилось, а прощаться не хочется.

– Я не хочу прощаться, – сказала Елена Прекрасная, озвучив то, о чём думали все.

– А кто сказал – прощаться? – спросила Наташа. – Мы теперь – команда. Хранители. Через два месяца моя зимняя вахта. А до того...

– До того – мы просто друзья, – закончил Коля.

Елена Премудрая открыла было рот – наверняка чтобы процитировать какую-нибудь книгу о природе дружбы, – но вместо этого просто улыбнулась. Без очков, без книг, без мудрости. Просто улыбнулась.

– Друзья, – повторила она. – Мне нравится это слово.

Глава 15. Бамбуковая роща и правильный ветер

Наташа проснулась оттого, что солнечный луч упал ей на нос.

Это было совершенно нормально. За окном стояло лето – самое что ни на есть настоящее, пахнущее разогретой землёй и цветущим жасмином. Бамбуковая роща буйно зеленела, птицы насвистывали свои обычные утренние мелодии, и ни одна деталь не портила эту благодатную картину.

Наташа села в кровати, потянулась и прислушалась.

Ветер пел.

Летняя мелодия – лёгкая, тёплая, наполненная запахом скошенной травы и далёким жужжанием пчёл. Ни одной фальшивой ноты. Ни одного чужого звука. Только лето – чистое, ясное, правильное.

Наташа улыбнулась.

Она спустилась вниз, заварила чай – по привычке – и вышла на крыльцо. Утро было тёплым и ласковым. Бамбук шелестел, ручей журчал, шиповник цвёл розовым. Мир был на месте.

На перилах крыльца сидела записка, придавленная камешком. Наташа развернула её.

«Наташа! Приезжай в Тихие Мхи в субботу. Я буду проездом – скачу домой, в Золотые степи, и хочу завезти тебе тех лепёшек, которые пёк на привале. Елены тоже будут – Прекрасная обещала яблочный пирог, а Премудрая – новую книгу о ветрах (нашла в какой-то древней библиотеке, говорит – невероятно интересно). Михай сказал, что одолжит нам свой большой стол. Приходи!

Коля.

P.S. Я больше не спотыкаюсь. Почти. Вчера споткнулся только один раз, и то потому что на дорогу выбежал ёжик.»

Наташа рассмеялась. Сложила записку, спрятала её в карман жилета – того самого, стёганого, с вышитыми веточками бамбука – и посмотрела на далёкие горы. Там, за Синим хребтом, за Лисьими перевалами и Долиной тысячи ручьёв, стояла Башня Семи Ветров. Невидимая отсюда, но ощутимая. Наташа чувствовала её – тонкую, как нить, связь между собой и Башней. Связь, которая станет сильнее зимой, когда наступит её время.

Но до зимы было далеко. Впереди было лето – долгое, тёплое, наполненное дружбой и яблочными пирогами.

– Суббота, – сказала Наташа вслух. – Отлично. Надо напечь пряников.

Она развернулась, чтобы вернуться в дом, и на пороге остановилась. Посмотрела на чайник, стоявший на плите.

– Знаешь, – сказала она чайнику, – я, пожалуй, всё ещё буду с тобой разговаривать. Но теперь у меня есть и другие собеседники.

Чайник, разумеется, ничего не ответил. Но Наташе показалось, что он одобительно блеснул медным боком.

Она вошла в дом, закрыла за собой дверь, и бамбуковая роща осталась одна – залитая солнцем, полная зелени и покоя.

Ветер пел.

Правильно. Эпилог

Далеко на вершине Башни Семи Ветров старый Хранитель сидел в кресле – но не спал. Он читал книгу. Толстую, потрёпанную, с закладками, торчащими из неё, как иголки из ежа. Елена Премудрая оставила ему целый сундук книг, и Хранитель обнаружил, что за тысячу лет пропустил потрясающее количество интересных историй.

На коленях у него лежал кот. Рыжий, пушистый, с янтарными глазами. Кот появился три дня назад – просто пришёл, запрыгнул на колени и уснул, как будто всю жизнь здесь жил.

Хранитель подозревал, что кот раньше был лисой. Но решил не спрашивать. Некоторые тайны лучше оставить нераскрытыми.

Он перевернул страницу, почесал кота за ухом, и улыбнулся.

Ветер пел.

Впервые за тысячу лет – это была не его забота одного.

И это было хорошо.

Новый год посреди августа

Глава 1. Очень подозрительный снег

В то утро Наташа проснулась от странного звука.

Это был не ветер. Не дождь. Не стук ветки в окно и не скрип половицы.

Звук был такой, словно кто-то очень старательно звенел сотней маленьких колокольчиков прямо у неё под крыльцом.

Наташа открыла глаза, полежала немного, прислушиваясь, и нахмурилась.

За окном было светло. Даже слишком светло – так бывает только в конце лета, когда солнце поднимается рано и сразу начинает вести себя так, будто весь мир принадлежит ему одному. В бамбуковой роще шелестели листья, где-то над ручьём кричала сойка, а колокольчики всё звенели и звенели.

– Если это опять соседи придумали фестиваль утреннего шума, – пробормотала Наташа, садясь в кровати, – то я категорически против.

Она накинула жилет, пригладила шерсть на щеках и подошла к окну.

И замерла.

С неба шёл снег.

Не такой, как в прошлый раз, когда мир уже сходил с ума из-за Башни Семи Ветров. Нет, этот снег был настоящий – холодный, пушистый, белый. Он падал на тёплую августовскую землю, на зелёный бамбук, на кусты шиповника, на грядку с мятой у крыльца.

И – что хуже всего – не таял.

Наташа открыла окно. В комнату тут же ворвался прохладный воздух, пахнувший хвоей, морозом и... мандаринами.

– О нет, – сказала Наташа.

Когда снег в августе пахнет мандаринами, это почти никогда не к добру.

Она быстро вышла на крыльцо. Снежинки ложились ей на лапы, и каждая тихо позвякивала, точно крошечная стеклянная игрушка. На перилах уже лежал тонкий снежный слой, а на калитке кто-то – или что-то – повесил блестящую серебряную гирлянду.

Наташа прищурилась.

Гирлянда моргнула зелёным огоньком.

– Нет, – твёрдо сказала Наташа. – Только не это.

Из бамбуковой рощи послышался хруст, весёлое фыркание и радостный вопль:

– Наташа! Наташа! Смотри! У тебя на грядке сидит снеговик!

На тропинку вылетел Коля – весь в снегу, с еловой веткой в волосах и с таким счастливым лицом, будто его только что назначили главным по приключениям всего королевства.

Вообще-то, Наташа не удивилась, увидев его ранним утром у своего дома. После истории с Башней они действительно стали друзьями, а Коля, как выяснилось, понимал дружбу очень буквально: если ты друг, значит, можешь в любой момент появиться у человека на пороге, особенно если происходит что-нибудь странное.

– Доброе утро, – сказала Наташа.

– Если снег в августе считается добрым утром, то да! – отозвался Коля. Он сделал шаг к крыльцу, поскользнулся на снежной корке, замахал руками и чудом удержался на ногах. – Ого. Скользко.

– Это снег, Коля.

– Да, я уже заметил.

За его спиной показались две знакомые фигуры. Сёстры Елены шли по тропинке рядом, кутаясь в плащи – хотя вчера, если Наташа правильно помнила, было так жарко, что даже камни у ручья нагревались к полудню.

Елена Прекрасная выглядела так, будто снегопад устроили лично для неё. Белые хлопья ложились ей на волосы, и она сияла среди них, как рождественская открытка, только очень живая и недовольная.

Елена Премудрая шла, прижимая к груди книгу и внимательно разглядывая следы на земле.

– Я насчитала уже двенадцать признаков неестественной зимней магии, – сказала она вместо приветствия. – В том числе запах мандаринов, самопроизвольное появление гирлянд и следы маленьких копыт на снегу.

– Маленьких копыт? – переспросила Наташа.

– Оленьих, – мрачно сказала Елена Премудрая.

И в этот самый момент со стороны ручья донеслось громкое:

– И-хо-хо-о-о!

Все четверо обернулись.

Из-за кустов вылетели сани.

Настоящие сани. Красные, золочёные, расписные, с резными боками и бубенцами. Их везла шестёрка северных оленей, которые, кажется, были совершенно счастливы нестись по летней тропинке сквозь бамбуковую рощу. За санями тянулся вихрь серебряного снега и разноцветных конфетти.

Сани лихо описали круг у крыльца, едва не снесли калитку, чуть не задели Колю, который в очередной раз едва не упал, и остановились с победным звоном.

На облучке стоял человек в красной шубе.

Нет, не просто в красной шубе. В очень красной шубе. В такой красной шубе, которая считала, что скромность – качество для зануд. Шуба была отделана белым мехом, усыпана золотыми снежинками и подпоясана широким чёрным ремнём. На голове незнакомца сидел красный колпак с помпоном, а борода у него была белая и кудрявая, как облако, которое решило стать праздничным.

– Хо-хо-хо! – сказал незнакомец, спрыгивая с саней. – Счастливого Нового года!

Повисла тишина.

Наташа моргнула.

Коля моргнул.

Обе Елены моргнули одновременно.

– Сейчас август, – осторожно сказала Наташа.

Незнакомец широко улыбнулся.

– Именно! Лучшее время для Нового года. Никаких очередей, ёлки зелёные уже по умолчанию, настроение можно поднять всему миру заранее. Гениально, если задуматься.

– Это кто? – шёпотом спросил Коля.

– Судя по одежде, – так же шёпотом ответила Елена Премудрая, – одна из разновидностей зимнего магического дарителя.

– Я всё слышу! – радостно сообщил незнакомец. – И не «одна из разновидностей», а вполне конкретная! Алексей. Санта Клаус. Волшебник зимних праздников, разносчик подарков, повелитель рождественских чудес и, смею заметить, очень недооценённая личность.

Он снял колпак и театрально поклонился.

– Очень приятно, – сказала Наташа автоматически.

– Взаимно! – Алексей выпрямился и оглядел их сияющим взглядом. – А вы, надо полагать, те самые герои Башни Семи Ветров? Отлично, отлично, замечательно. Вы мне как раз нужны.

– Нам это обычно не нравится, – честно сказала Наташа.

– Ерунда, – махнул рукой Санта Алексей. – Всегда всем сначала не нравится, а потом все спасают мир и остаются довольны.

– Что случилось? – спросила Елена Премудрая.

Лицо Алексея мгновенно стало серьёзным.

– Мой братец опять всё испортил.

– Братец? – переспросил Коля.

– Да. Дед Мороз Алексей. Мой близнец. Удивительно упрямый человек с ужасным вкусом на головные уборы. Мы... э-э... слегка поссорились.

– Слегка? – подняла бровь Наташа.

– Ну, возможно, не совсем слегка. Возможно, мы одновременно открыли Ворота Праздничного Междумирья и запустили в обычный мир слишком много зимней магии.

Он указал на снег, оленей, гирлянды, санки и мандарины в воздухе.

– Самую малость.

– И теперь Новый год наступил в августе, – подвела итог Елена Премудрая.

– Да. Но не просто Новый год! – Алексей поднял палец. – Худшее в том, что магия праздника выходит из-под контроля. Сначала снег, потом ёлки, потом подарки, потом...

В стороне от дома что-то громко бухнуло.

Все обернулись.

Посреди мятной грядки, там, где ещё минуту назад ничего не было, медленно поднимался из снега огромный зелёный мешок с золотой надписью: **«Сюрпризы для хороших детей»**.

Мешок дёрнулся.

Потом ещё раз.

А затем из него вылез снеговик.

Он был высокий, круглый, в полосатом шарфе, с морковкой вместо носа и с крайне деловым выражением угольных глаз.

– Где ближайшая площадь для установки ёлки? – спросил снеговик басом.

Коля отшатнулся так резко, что всё-таки сел в сугроб.

– О, – сказал Алексей, глядя на снеговика. – Вот и они.

– Кто – «они»? – спросила Наташа.

Из мешка полез второй снеговик. Потом третий.

– Праздничный обслуживающий персонал, – виновато ответил Санта Алексей. – Обычно они появляются только в конце декабря.

Наташа закрыла глаза.

Когда она их снова открыла, снеговиков было уже пять.

– Начинай сначала, – сказала она очень спокойно. – Медленно. Подробно. И желательно с того места, где вы с братом решили, что августу срочно нужен Новый год.

Глава 2. Два брата и одна очень плохая идея

Они устроились в доме Наташи, потому что на крыльце стало слишком холодно, а снеговики снаружи уже начали что-то бурно обсуждать насчёт украшения бамбука гирляндами.

Санта Алексей сидел за столом, занимая примерно в два раза больше места, чем обычный человек, – не потому что был большим, а потому что размахивал руками, шубой, колпаком и вообще всем, что имелось в наличии.

Коля сушил у печки хвост – тот успел промокнуть в снегу.

Елена Прекрасная задумчиво вертела в руках ёлочную игрушку в форме звезды, которая самопроизвольно появилась в вазе с цветами.

Елена Премудрая держала на коленях раскрытый блокнот и делала заметки.

Наташа разлила чай по чашкам и села.

– Итак, – сказала она. – Ваш брат.

– Алексей, – с достоинством подтвердил Алексей. – Дед Мороз. Великий зимний чародей, самопровозглашённый хранитель правильных традиций, повелитель выюг, ёлок, ледяных дворцов и невыносимо нравоучительного тона.

– А ты? – спросила Елена Премудрая.

– А я – его гораздо более обаятельный, современный и гибкий в подходах близнец.

– То есть вы оба считаете, что правы, – резюмировала Наташа.

– Разумеется.

– Тогда в чём спор?

Санта Алексей сложил руки на груди.

– В философии зимнего праздника.

Коля моргнул.

– Простите, в чём?

– В философии зимнего праздника, – повторил Алексей. – Мой брат считает, что Новый год и вся зимняя магия должны приходить строго в своё время. Снег – зимой. Подарки – зимой. Ёлки – зимой. Всё по расписанию, всё по правилам, всё очень сурово и правильно.

– А ты считаешь иначе? – спросила Наташа.

– Разумеется! – Алексей всплеснул руками. – Почему радость должна ждать календаря? Почему чудо обязано приходить только в декабре? Почему нельзя подарить людям немного снега, немного огня, немного волшебства летом, когда все устали от жары, пыли и комаров?

– Потому что потом на мятной грядке вырастают снеговики, – заметила Наташа.

– Детали, – отмахнулся Алексей.

– Очень крупные детали, – сухо сказала Елена Премудрая.

Алексей вздохнул.

– В общем, мы поспорили. Я сказал, что смогу провести Идеальный Летний Новый год. Алексей сказал, что это кошунство, нелепость и издевательство над мировым порядком. Я сказал, что он заостенелый ледяной пень. Он сказал, что я ходячая катастрофа в красном колпаке. После этого мы оба... слегка погорячились.

– Открыли Ворота Праздничного Междумирья? – уточнила Наташа.

– Одновременно, – признался Алексей. – С двух сторон.

– И что это значит? – спросил Коля.

Елена Премудрая подняла палец.

– Если я правильно понимаю природу межмировых магических узлов, то одновременное открытие ворот двумя равными по силе зимними сущностями могло нарушить баланс праздничной энергии и выпустить в мир неконтролируемый поток сезонного волшебства.

Все посмотрели на неё.

– То есть? – перевёл Коля.

– То есть теперь Новый год лезет в август, как пьяный гость в чужой дом, – сказала Наташа.

– Именно, – кивнула Елена Премудрая.

В этот момент за окном раздался протяжный трубный звук.

Потом второй.

Коля подскочил.

– Это ещё что?

Наташа выглянула в окно и закрыла лицо лапой.

По её огороду шёл парад.

Впереди важно шагали два снеговика с леденцовыми тростями, как с жезлами. За ними ехал маленький расписной поезд из подарочных коробок. Следом скакали три оленя в колокольчиках. А замыкала шествие... ёлка.

Живая.

Высокая.

Украшенная.

На тонких корнях-ножках.

– Я не хочу даже спрашивать, – сказала Наташа.

– Это праздничная авангардная группа, – тихо сообщил Алексей. – Видимо, они уже развернули деятельность.

– А если ничего не делать? – спросил Коля, хотя по его лицу было видно, что ответ ему заранее не нравится.

– Если ничего не делать, – сказала Елена Премудрая, – зимняя магия продолжит нарастать. Сначала локально. Потом по всей округе. Потом по королевству. Потом...

– Потом весь мир окажется в бесконечном предновогоднем безумии, – мрачно закончил Алексей. – С подарками, которых никто не просил. С праздничными песнями из ниоткуда. С искусственным снегом, не тающим в пустынях. С ёлками в капустных полях. С пряничными бурями. С конфетными обвалами. И, что хуже всего, с обязательным хорошим настроением.

– Обязательное хорошее настроение? – переспросила Наташа.

Алексей кивнул с видом человека, пережившего нечто страшное.

– Самый опасный вид магии. Если она становится слишком сильной, люди перестают чувствовать всё остальное. Печаль, усталость, сомнения, грусть – всё выметается, как мусор перед праздником. Снаружи мир будет сиять и улыбаться. А внутри... пустеть.

Повисла тишина.

Даже Коля перестал возиться с хвостом.

– Значит, надо закрыть ворота, – сказала Наташа.

– Да, – ответил Алексей. – И желательно до полуночи.

– Почему до полуночи? – спросила Елена Прекрасная.

– Потому что после полуночи праздничная магия закрепится на сутки. А если продержится трое суток – придётся ждать до зимы, пока она естественным образом сойдёт на нет. Только к тому моменту у вас уже может быть метель в августе от моря до гор.

– Где эти ворота? – спросила Наташа.

Санта Алексей замялся.

Это был очень нехороший признак.

– Ну? – сказала Наташа.

– В Ледяном Павильоне Сезонных Торжеств.

Тишина стала ещё тише.

– Где? – переспросил Коля.

– На Полюсе Праздничного Междумирья.

– Конечно, – сказала Наташа. – Где же ещё.

– Это далеко? – спросила Елена Прекрасная.

– Смотря как ехать, – бодро ответил Алексей. – На обычном транспорте – невозможно. На магическом – часа четыре, если не попадём в Сахарную метель и не свернём случайно в Коридор Ненастоящих Подарков.

Коля поднял руку.

– У меня вопрос.

– Да?

– Почему каждый раз, когда мы с вами знакомимся с кем-то волшебным, всё обязательно усложняется какими-то Коридорами Ненастоящих Подарков?

– Потому что магия любит театральность, – сказала Елена Премудрая.

– И потому что обычные названия плохо запоминаются, – добавил Алексей.

Наташа встала.

– Ладно. Мы едем.

– Просто так? – удивился Алексей.

– Нет, не просто так. С чаем, плащами и, возможно, с очень серьёзным разговором с твоим братом. Но да – едем.

– А я говорил, что вы мне понравитесь! – оживился Алексей.

– Мы ещё не согласились тебя терпеть, – заметила Наташа.

– Это приходит со временем.

За окном ёлка на ножках торжественно зашла в калитку.

Глава 3. Ещё один Алексей

Через полчаса они были готовы.

Наташа надела тёплый плащ, сунула в сумку термос, верёвку, огниво и пакет пряников – жизненный опыт уже научил её, что в магических путешествиях пряники могут оказаться полезнее меча.

Коля проверил ремни на походной сбреу и зачем-то взял лопату.

Елена Прекрасная укуталась в бело-золотой плащ, сияние вокруг неё стало мягче и теплее.

Елена Премудрая взяла сразу три книги, хотя Наташа подозревала, что в дороге успеет открыть все пять, если дать ей возможность.

Снаружи сани уже ждали у крыльца. Олени бодро били копытцами по снегу. Снеговики, к счастью, отправились украшать соседнюю поляну и пока не мешали.

Наташа как раз собиралась забраться в сани, когда воздух над тропинкой перед домом дрогнул.

Потом в нём появилась трещина – тонкая, голубоватая, светящаяся.

Трещина расширилась, и из неё шагнул ещё один человек.

Высокий. В длинной синей шубе, расшитой серебряными узорами. В меховой шапке. С густой белой бородой до пояса. Лицо у него было почти таким же, как у Санты Алексея, только строже, суровее и с выражением человека, который пришёл сюда не радоваться.

За его спиной клубился морозный пар.

– Алексей, – сказал он голосом, от которого иней тут же покрыл перила крыльца. – Я так и знал, что ты втянул в это посторонних.

– Алексей, – без особого восторга откликнулся Санта Алексей. – А я так и знал, что ты явишься с лицом человека, которого лично оскорбили все ёлочные игрушки мира.

Дед Мороз Алексей перевёл взгляд на Наташу и её друзей. Наклонил голову – коротко, но вежливо.

– Прошу простить вторжение. Меня зовут Алексей.

– Уже поняли, – тихо сказала Наташа.

– Я пришёл остановить эту нелепость, – продолжил Алексей, бросив на брата тяжёлый взгляд. – И, если возможно, до того, как летняя земля окончательно покроется снегом, а мои помощники начнут раздавать детям подарки за полив огурцов.

– Это уже происходит? – спросил Коля.

– Да, – мрачно сказал Алексей. – В трёх деревнях дети получили по волшебному конструктору за уборку сарая, а один пекарь – праздничный венок за хорошее обращение с тестом. Порядок рушится.

– А я считаю, что это мило, – сказал Санта Алексей.

– Ты считаешь милым всё, что блестит и звенит, – отрезал Алексей.

Наташа посмотрела на них обоих и мысленно признала очевидное: да, братья-близнецы. Даже спорят так, словно делают это уже очень давно и с определённым наслаждением.

– Стоп, – сказала она. – Вы оба хотите закрыть ворота?

– Я хочу закрыть их немедленно, – сказал Алексей.

– А я хочу закрыть их изящно, – сказал Алексей.

– Что значит «изящно»? – спросила Наташа.

– Без криков, взаимных упрёков и разрушения Ледяного Павильона.

– То есть медленно, – перевёл Алексей.

– То есть красиво, – возразил брат.

– У нас мало времени, – вмешалась Елена Премудрая. – Спор о стилях закрытия межмировых врат предлагаю отложить на потом.

Алексей посмотрел на неё с уважением.

– Разумная мысль.

– Спасибо, – сухо сказала Елена Премудрая. – Я стараюсь.

– Значит, едем все вместе, – решила Наташа.

Оба брата одновременно посмотрели друг на друга с одинаковым выражением.

– Ни в коем случае, – сказали они хором.

Потом замолчали. Потом одновременно нахмурились, поняв, что только что согласились.

– Ну вот, – сказала Елена Прекрасная. – Уже прогресс.

Глава 4. Полюс Праздничного Междумирья

Ехать в саних, запряжённых волшебными оленями, по снегу, выпавшему посреди августа, – занятие, к которому невозможно подготовиться заранее.

Сначала сани мчались по бамбуковой роще. Потом снег вдруг стал глубже, деревья – выше, воздух – холоднее. Через несколько минут бамбук исчез, словно его и не было, а вокруг раскинулась снежная равнина, искрящаяся под низким зимним солнцем.

– Пространственный переход, – пояснила Елена Премудрая, когда Коля вытянул шею, пытаясь понять, куда делись знакомые холмы. – Праздничные сани идут не по земле, а по сезонным дорогам.

– Конечно, – сказал Коля. – По чему же ещё.

Наташа сидела впереди и смотрела на дорогу. Вернее, на то, что в обычном мире дорогой назвать было бы сложно. Белая равнина то поднималась горками, то уходила в голубоватый туман. Над ней кружились снежные искры, а вдали виднелись странные постройки – башни изо льда, арки из карамели, мосты, похожие на леденцы.

– Это всё настоящее? – спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.